

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ 2017 г.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МОСКВА 2017

30 лет
Институт Европы РАН

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ 2017 г.:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Доклады Института Европы
№ 347**

Москва 2017

УДК 324(44)"2017"(066)
ББК 66.3(4Фра),131я54
В92

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Ответственный редактор В.Я. Швейцер,
редакторы Е.В. Ананьева, Н.С. Плевако,
С.М. Фёдоров, Е.В. Дрожжина

Рецензенты:
Кухарчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук
Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук

Тема государственной регистрации:
«Партийно-политическая система современной Европы»

В подготовке материалов к печати принимал участие
В.С. Грибовский

Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы – Elections in France – 2017: Results and Perspectives / [отв. ред. В.Я. Швейцер]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2017. – 88 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 347 – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-102-3.

Публикация подготовлена по материалам состоявшегося 28 июня 2017 г. заседания Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века». Анализируются итоги парламентских и президентских выборов 2017 г. во Франции. Исследуются позиции основных участников электорального процесса, лидеров крупнейших партий Франции. Особое внимание уделено избранному президенту Э. Макрону, его воззрениям на вопросы внутренней и внешней политики.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-102-3

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2017

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**ELECTIONS IN FRANCE – 2017:
RESULTS AND PERSPECTIVES**

**Reports of the Institute of Europe
№ 347**

Moscow 2017

Аннотация

Президентские и парламентские выборы во Франции стали одним из наиболее заметных событий в политической жизни Европы первой половины 2017 г. Авторы статей рассматривают позиции основных политических сил страны: республиканцев, социалистов, Национального фронта, представителей крайне левых и экологических сил Франции, дают политический прогноз и экономический анализ возможного развития событий в стране. Анализируются российско-французские отношения. Особое внимание уделяется новому президенту Франции Э. Макрону и основанной им партии «Вперёд, Республика!».

Annotation

Presidential and parliamentary elections in France have become one of the most remarkable events in the political life of Europe in the first half of 2017. The authors examine the positions of major political forces in the country: Republicans, Socialists, the National Front, the extreme left wing and ecological forces of France, present the political forecast and possible economic development of this country. Russian–French relations at the current stage are analyzed. Special attention is paid to the new President of France E. Macron and his new founded the party «République en Marche».

СОДЕРЖАНИЕ

Швейцер В.Я. Европейский электоральный процесс в контексте тенденций континентального и глобального развития.....	7
Нарочницкая Е.А. Непредвиденные итоги выборов во Франции: общее и особенное, закономерное и случайное.....	11
Обичкина Е.О. От олландизма к макронизму.....	20
Уварова М.А. Выборы 2017 г.: феномен необонапартизма.....	25
Канинская Г.Н. Открыло ли с президентство Э. Макрона новую страницу в истории Пятой республики?.....	31
Зуева К.П. Российско-французские отношения: первые шаги президента Э. Макрона.....	38
Журавель В.П. Итоги парламентских выборов и влияние терроризма на избирателей Франции.....	45
Авилова А.В. Поддержка Э. Макрона в странах Южной Европы.....	50
Яковлев П.П. Франция Э. Макрона: уроки испанского.....	54
Фёдоров С.М. Французские выборы 2017 г.: информация к размышлению.....	59
Рубинский Ю.И. Франция на новых рубежах.....	65

CONTENTS

<i>Shveitser V.</i> The European Electoral Process in the Context of Continental and Global Development Trends.....	7
<i>Narochnitskaya E.</i> Unexpected Results of the Elections in France: General and Specific, Necessary and Contingent.....	11
<i>Obichkina E.</i> From Ollandism to Macronism.....	20
<i>Uvarova M.</i> Elections – 2017: the Phenomenon of Neobonapartism.....	25
<i>Kaninskaya G.</i> Presidency of E. Macron – A New Page in the History of the Fifth Republic?.....	31
<i>Zueva K.</i> Russian-French relations: the First Steps of President E. Macron.....	38
<i>Zhuravel V.</i> The Results of the Parliamentary Elections and Impact of Terrorism on the French Voters.....	45
<i>Avilova A.</i> The Support of E. Makron in the Countries of Southern Europe.....	50
<i>Yakovlev P.</i> E. Macron’s France: Lessons of Spanish.....	54
<i>Fedorov S.</i> French Elections – 2017: Information for Thinking.....	59
<i>Rubinsky Yu.</i> France at New Frontiers.....	65

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Партийно-политическая система стран-членов Евросоюза не статична, подвержена достаточно серьёзным колебаниям. Эта истина не требует особых доказательств. Другое дело, насколько интенсивен эволюционный процесс, каковы внутренние и внешние факторы, его обуславливающие. При всей важности страновых особенностей, определяющих «ветер перемен» на партийном пространстве Европы, нельзя игнорировать и тенденции общекаонтинентального, а также глобального характера. Без их учёта трудно понять и оценить изменения в умонастроениях избирателей, выбирающих очередных правителей. Да и сам правящий класс постоянно испытывает на себе воздействие разно-векторных тенденций, зарождающихся внутри и вне Старого Света.

От кризиса к кризису

Анализируя перипетии многосложного развития современной европейской партийной ситуации, не стоит абсолютизировать классический ленинский тезис о политике как концентрированном выражении экономики. С одной стороны, экономический компонент вроде бы доминирует. С начала XXI в. государства – члены Евросоюза пережили острые кризисные потрясения в финансовой и банковской сферах, не до конца преодолели кризис задолженности; в южноевропейской зоне ЕС сохраняется высокий уровень безработицы. С другой стороны, миграционный кризис охватил в той или иной степени почти все государства Евросоюза. Волны беженцев, нахлынувшие в 2015 г. в Старый Свет, стали следствием не только экономического упадка в африканском регионе, но также следствием военно-политических конфликтов на севере Африки, прежде всего в странах

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., г.н.с., зав. Отделом социальных и политических исследований Института Европы РАН, сопредседатель НС «Партийно-политические системы XXI века».

Ближнего и Среднего Востока. Побудительным мотивом для массовой иммиграции, имеющим стратегическое значение, стали и нарастающие природные катаклизмы, во многих случаях несовместимые с жизнедеятельностью людей, проживающих в зонах климатической неустойчивости.

Всёвозрастающую роль в изменении мировоззрения европейского электората играет усиление кризиса в сфере международных отношений. Его нельзя уже свести к традиционному противоборству Запада и Востока. Украинский кризис 2014–2017 гг. также выявил несовпадение во мнениях, а отчасти и в действиях евросоюзовских акторов в новой ситуации, потенциально опасной для Старого Света в целом. И избрание Д. Трампа на пост президента США, и неожиданный, лишь на первый взгляд, Брекзит свидетельствовали о переносе зоны противостояния в ранее монолитный западный лагерь. Кроме того, президентские выборы осени 2016 г. в США обозначили феномен совершенно нетипичного для крупнейшей мировой державы явления. Так, на вершине исполнительной власти оказался человек, по существу не связанный с выдвинувшей его на высокий пост политической партией. В данном контексте эксклюзивны и итоги Брекзита, ибо большинство электората не согласно с ограничительно-проездовским мнением истеблишмента – и консервативного, и лейбористского. Последующее развитие событий как в США, так и в Великобритании свидетельствует, что период поиска новых отношений между различными ветвями власти пражящего класса далёк от своего завершения.

На новых рубежах

Европейский избиратель, участвуя в последние годы в выборах различного уровня – президентских, парламентских, местных, в референдумах любого масштаба, учитывает при принятии решений весь комплекс сопутствующих этим мероприятиям обстоятельств. Здесь и итоги правления тех, кто уже находится у власти, и реальность контраргументов оппозиции, и фактор скандальных разоблачений (подтверждённых документально, либо достаточно сомнительных), касающихся главных действующих лиц политического процесса. Результаты выборов отражают двухмерность основной традиционной логики изби-

рателей: опасность возможного ухудшения своего социально-экономического положения или слабую надежду на какие-либо перемены позитивного свойства. В условиях крайне нестабильной остановки в мире на иное рассчитывать не приходится.

Последние выборы во Франции, как президентские, так и парламентские, подтверждают своими результатами обоснованность этой дилеммы для абсолютного большинства национального электората. Сокрушительное поражение социалистов (как в борьбе за Елисейский дворец, так и за места в Национальной ассамблее) стало следствием их крайне невнятного курса в вопросах и внутренней, и внешней политики. Традиционная «смена вех» – на республиканцев – не произошла не только из-за небесспорности фигуры Ф. Фийона, но и из-за наследия «эры Саркози», не принёсшей стране какого-либо ощутимого процветания. Не сработал и фактор «новой силы» в лице М. Ле Пен и её Национального Фронта. Избиратель вполне разумно предположил, что в современной, во многом неустойчивой внутри- и внешнеполитической ситуации трудно рассчитывать на оправданность близких к экстремизму антииммигрантских лозунгов и невнятного евроскептицизма. Французы оказались не готовы поддержать приход к власти людей, ничем себя доселе на этой стезе не проявивших.

Все эти обстоятельства к весне 2017 г. дали шанс выйти на рубежи власти Э. Макрону и его наспех собранному движению – партии «Вперёд, Республика». Тем самым политическая система Франции продемонстрировала свою гибкость – возможность создать модель «два в одном», сочетающей как национально ориентированный, так и проевропейский политический вектор. При этом лидер обновления Э. Макрон не был выходцем из главных противоборствующих сторон, хотя и имел опыт руководства важным направлением в предыдущей властной команде. На парламентских выборах явно сработал «принцип домино», причём электорат в своём большинстве проголосовал за парламентариев, имевших в своём багаже лишь кредит доверия от вновь избранного президента.

Контуры евроцентризма

Возникает вполне закономерный вопрос: стал ли последний

выбор французов неким феноменом, схожим в главных своих чертах с приходом к власти Д. Трампа или же британским Брекситом? Нам видится иное. Франция продолжила формирование нового стиля политического управления, уже апробированного в Европе по итогам избирательных компаний последних лет. Начало ему положил приход к власти в Греции А. Ципраса и его команды политических новичков, сохраняющих и по сей день не только свои весьма радикальные лозунги, но и вполне прагматический курс как внутри страны, так и, особенно, при решении проблемы «греческого долга». Особым вариантом «евроцентризма» можно считать и итоги президентских выборов в Австрии, где, по существу, неформально сложился антинационалистический фронт, приведший к власти политически мало заметного до 2016 г. экологиста А. ван дер Беллена.

Особенностью евроцентризма как нового политического стиля во многих странах ЕС представляется создание препон для вхождения во власть представителей крайних флангов национальной политики, несмотря на рост их электоральной поддержки. Процесс их приобщения к исполнительным функциям государства выглядит весьма проблематичным. Так, в Испании «Подemos» фактически исключён из формирования правительства, причём лидеров этого леворадикального движения не поддерживают даже генетически родственные им социалисты. На противоположном конце Европы – в Швеции, противоборствующие между собой блоки правых (либералы, консерваторы и христианские демократы) и левых (социал-демократы с зелёными) готовы скрепя сердце не ставить палки в колёса правительствам меньшинства, лишь бы не допустить к власти радикал-националистически настроенных «шведских демократов».

В некоторых государствах Евросоюза евроцентризм проявляется при неизбежном в особых случаях формировании коалиционных правительств. Так, в Нидерландах после парламентских выборов весны 2017 г. правящие либералы пытались найти общий язык с радикалами из «Зелёных левых» (ЗЛ). Эксперимент окончился неудачей; участие «ЗЛ» в новом правительстве на их условиях было исключено. С другой стороны, в Португалии социалисты смогли сформировать правительство с дву-

мя левыми блоками партий – прокоммунистического и экологического толка, ограничив последних в возможности навязать свой курс коалиционному Кабинету министров. Характерен пример Финляндии, где националисты из «Истинных финнов», сменив своё руководство, попытались навязать коллегам-коалиционерам собственное видение иммиграционной проблемы. Он показывает, что в крайних случаях традиционные буржуазные партии способны вытеснить из коалиции тех, кто, по их мнению, не соответствует государственным интересам страны. Эксперимент с созданием неформальной коалиции из части членов правящей Демократической партии и бывших берлускониевцев намечается в Италии. Влиятельная часть истеблишмента явно не готова разбавить правящий лагерь как популистами из «Пяти Звёзд», так и национал-сепаратистами из «Лиги Севера».

Выводы

Сегодня пока ещё преждевременно говорить о евроцентризме как устойчивой тенденции в соперничестве – партнёрстве сил, не приемлющих радикальных решений. Непредсказуемые события в Европе и мире могут лишь вновь вернуть партии на прежние позиции. Тем не менее, французский и другие примеры европейской политической жизни позволяют надеяться на благоразумный подход политиков Старого Света к поиску «среднего пути» ради сохранения стабильности во всех сферах жизни в странах ЕС.

*Е.А. Нарочницкая**

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ИТОГИ ВЫБОРОВ 2017 г. ВО ФРАНЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ, ЗАКОНОМЕРНОЕ И СЛУЧАЙНОЕ

Французские электоральные кампании 2017 г., как и их аналоги в других странах, имеют ярко выраженный национальный профиль. Эти события невозможно анализировать без глубокого проникновения в страновой контекст. Вместе с тем, по своей

* Екатерина Алексеевна Нарочницкая, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

внутренней логике они во многом вписываются в более широкие – европейские, а точнее общезападные – тренды.

Сама беспрецедентность и непредсказуемость выборов во Франции сближает их с чередой других голосований последних лет, тоже принявших нестандартный оборот. К концу 2016 г. заговорили даже о «политическом цунами», которое прокатилось по государствам Запада и потенциально предвещает более серьёзные перемены. Шоком для западного истеблишмента обернулся референдум о выходе Великобритании из ЕС (коим Д. Кэмерон преследовал прямо противоположную цель). Уникальной стала последняя президентская кампания в США, и не менее уникально продолжающееся там противостояние законно избранному президенту Д. Трампу. В цепи событий, потрясших либо пошатнувших основы, парламентские выборы в Испании 2015 и 2016 гг., необычные обстоятельства избрания президента Австрии в 2016 г., отрицательные итоги голландского референдума об ассоциации Украины с ЕС, а затем опасения, сопровождавшие выборы в парламент этой страны весной 2017 г., провал конституционной реформы на референдуме в Италии 2016 г. и др.

Французский казус, имея те или иные глубинные параллели с каждым из этих случаев, выделяется не только неизбежной национальной конкретикой. Пожалуй, во Франции общий вектор к выходу за рамки «нормы» и/или предсказуемости проявился особенно рельефно. По числу сюрпризов, скандалов и беспрецедентных черт президентская гонка во Франции побила все рекорды. И именно Франция продемонстрировала самый полный спектр новых веяний и процессов, характерных для европейской и западной действительности в целом.

Собственно, новизна этих феноменов относительна. Профессионалам известны их признаки, в разной степени и в разном «ассортименте» в зависимости от страны, проявляющиеся уже более полутора десятилетий. Однако, при всей своей очевидности, тенденции эти оставались периферийными по влиянию на функционирование политической системы и официальную политику. В самые же последние годы произошёл их переход в новое качество, они приобретают реальный политический эффект, порождая вектор к системной трансформации. Насколько

и в каких параметрах изменится нынешняя западная система, создавшая себе, надо признать, солидные гарантии прочности, пока сказать трудно. И всё же очевидно, что завершается крупный период в истории современного Запада, продолжавшийся с 1980-х гг. То был период триумфа двухпартийности, основанной на консенсусе неолиберализма и социалиберализма, период впечатляющего продвижения либерального глобализма, постмодернизма и тесно связанного с ними наднационального проекта «брюссельской Европы».

Не претендуя на исчерпывающий перечень, напомним кратко некоторые из главных трендов:

- растущее отчуждение между политическим классом и избирателями;

- углубление идейно-ценностного раскола внутри обществ, ведущих политических сил и элитных групп;

- обостряющийся раскол в отношении европейской интеграции, рост евроскептицизма, дополнительные импульсы которому придали доминирование Германии в ЕС и миграционный кризис;

- накопление разнохарактерного, имеющего множественные мотивы протестного потенциала;

- подъём несистемных сил, прежде всего тех, что не всегда оправданно именуют крайне правыми, но не только;

- возрождение левой идеи и возникновение новых левых движений;

- появление нетипичных идейных амальгам и общественно-политических движений нового организационного типа;

- кризис традиционных партий, двухпартийности и самой лево-правой матрицы идеологических координат;

- кризис идеологии, составлявшей мейнстрим последних десятилетий, в её обоих вариантах – неолиберальном и леволиберальном.

Все эти явления наблюдались во Франции в преддверии и во время последнего электорального цикла. Недоверие французов к политическим институтам и главным партиям (как и ведущим СМИ) достигло к 2016 г. рекордного уровня в 70-90%¹.

¹ См. напр. L'Huillier M. Les Français et la politique : désintérêt ou crise de con-

Ощутимая напряжённость возникла в сфере ценностей, культуры, образования – в том, что во Франции называют «социетальными вопросами». Закон об однополых браках вызвал мощное протестное движение, охватившее более 1 млн человек. Заметно усилилось разочарование в европейском проекте, а тема выхода из зоны евро, которую ещё несколько лет тому назад ассоциировали с маргинальностью, превратилась в тривиальный сюжет экспертных дискуссий.

Всё предыдущее пятилетие прошло под знаком поступательного подъёма несистемного Национального Фронта, который провёл самую большую группу депутатов в нынешний состав Европарламента, получив основания именовать себя первой партией страны. Фактически во Франции сложилась трёхполюсная конфигурация политических сил, при том, что третья сила оставалась почти не представленной на уровне национальных органов власти. Выход во второй тур президентских выборов 2017 г. несистемного кандидата, Марин Ле Пен, с самого начала кампании считался почти гарантированным – беспрецедентный факт в истории Пятой Республики.

Кризис и внутренние трения у Республиканцев и социалистов стали притчей во языцех: обе главные партии подошли к выборам, не имея «естественного» лидера и очевидного кандидата на президентский пост. Проведённые – по аналогии с американской традицией – открытые партийные «праймериз» не только не привели к консолидации, но, напротив, стали катализатором распада в обоих лагерях. По их итогам ведущие партии впервые оказались представлены кандидатами, которые олицетворяли не партийное большинство, а идеологические полюса: консервативно-либеральный на правоцентристском поле, и левый, апеллирующий к исконно левым принципам, – на левоцентристском.

Соцпартия утратила доверие большей части собственного электората ещё до избирательной кампании. Всеобщее недовольство правлением Ф. Олланда достигло таких масштабов, что впервые в истории Пятой Республики действующий президент,

fiance? URL: <http://delitsdopinion.com/1analyses/les-francais-et-la-politique-desin-teret-ou-crise-de-confiance-2633/> (дата обращения: 10.09.2017).

находясь в добром здравии, не выдвинул свою кандидатуру на второй срок. На леворадикальном фланге активизировался новый полюс притяжения в лице Ж.-Л. Меланшона с его инновационным гражданско-сетевым движением «Непокорённая Франция».

В целом протестность оказалась настолько востребована, что не только «малые», но и все ведущие кандидаты отдали ей дань: даже самый системный из них, Э. Макрон, выступил под флагом обновления.

Так стали ли непредвиденные итоги завершившегося во Франции электорального цикла сенсацией? Или они – вполне закономерный результат предшествующего развития? Верно и то, и другое.

Случившееся, бесспорно, имеет объяснение в проблемных тенденциях социальной жизни – общих и специфически французских², а их круг далеко не ограничивается уже сказанным. Огромное значение имели застарелые структурные проблемы французской экономики, низкие показатели роста в предвыборные годы, болезненное для французов отставание от Германии, возросшая безработица среди молодёжи, которая приблизилась к 25%³.

Важным маркером предвыборного фона стала деградация безопасности, очевидная после серии крупных терактов во Франции и соседних странах. Впервые французы вели избирательную кампанию и голосовали в условиях чрезвычайного положения, действующего с ноября 2015 г. С угрозой терроризма и исламского радикализма тесно связан капитальный для Франции и всей Европы фактор иммиграции. Порождаемые им напряжённость и конфликты отнюдь не исчерпываются безопасностью, они пронизывают все сферы и наиболее остро ощущаются в таких областях, как социальные расходы и идентичность,

² Подробнее см.: Нарочницкая Е. Беспрецедентная президентская кампания во Франции. Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/besprecedentnaja_prezidentskaja_kampanija_vo_francii_2017-05-25.htm (дата обращения: 12.09.2017).

³ Emploi, chômage, revenus du travail, édition 2017 – Insee Références. P. 94-95. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2899434?sommaire=2891780> (дата обращения: 12.09.2017).

особенно в связи с массовой семейной миграцией во Францию из арабо-мусульманских стран.

Более специфическим, хотя и не уникальным, был мотив исторического и цивилизационного упадка. В сегодняшней Франции этот дискурс уже выходит за узкий круг правоконсервативных интеллектуалов, для которого он издавна типичен: в последние годы на эту тему выходят десятки книг, идут дискуссии даже на телевидении.

Совокупность всех этих и других факторов задала не вполне обычные стартовые условия президентской кампании, предопределила логику её поворотов, создала «запал» непредсказуемости и беспрецедентности. (Особенности парламентских выборов, в свою очередь, стали производными от расклада, возникшего по итогам выборов президента.) Всё же конкретный сценарий президентской гонки и её исход оказались действительно сенсационными. Достаточно сказать, что из всех прогнозов, звучавших менее чем за год до голосования, оправдался лишь один: М. Ле Пен вышла во второй тур.

Роль спускового крючка непредвиденного сценария сыграли первичные партийные выборы – очередная новация последней кампании. Между тем, их могли бы и не проводить, даже если кризисное состояние обеих главных партий к ним подталкивало.

По всем расчётам, правых должен был представлять А. Жюппе, либо Н. Саркози, а левых – Ф. Олланд, либо М. Вальс. И так бы оно и случилось, если бы к решению не привлекли обычных избирателей. Триумфальная победа Ф. Фийона на «праймериз» правых и центра сразу смешала все карты. Именно он сыграл ключевую роль в первоначальном изменении траектории событий. Сам успех Ф. Фийона в ноябре 2016 г., а затем кампания по его очернению и повальная переориентация правящей элиты на Э. Макрона не были спонтанными, а отражали фундаментальные противоречия внутри французского социума.

Говоря о Ф. Фийоне, не могу согласиться с предложенным тезисом о «неопределённости» его шансов как кандидата. Возможно, хотя и спорно, что Ф. Фийон не был оптимальным кандидатом с точки зрения объединения правых и левых голосов против Ле Пен во втором туре. Тем не менее, до «Пенелопгей-

та» его шансы на избрание выглядели совершенно бесспорными. Другое дело, что он уже преподнес свой главный сюрприз, который и позволил ему выиграть «праймериз», одновременно сделав его малопривлекательным для большей части элиты. На мой взгляд, именно здесь – ключ к пониманию центральной интриги президентской гонки и её исхода.

Дело в том, что Ф. Фийон положил во главу угла своей кампании лозунг разрыва с политикой предшествующего периода, имея в виду далеко не только правление социалистов и предлагая не только либеральную «революцию здравого смысла»⁴ в социально-экономической области. Центральная идея его выступлений – остановить упадок страны, обеспечить «национальное возрождение», вернуть судьбу Франции в её собственные руки. Последнее связано с таким кардинальным вопросом, как отношение к «брюссельской» Европе. Фийон вёл речь не о том, чтобы выйти из ЕС, а о том, чтобы «перезапустить и перестроить Европу», поднять в Евросоюзе роль межгосударственных начал – в логике, близкой той, которой мыслил европейское объединение Ш. де Голль. И Фийон к нему прямо апеллировал⁵.

В качестве фундаментальных основ Ф. Фийон подтвердил ценность французской национальной идентичности, культуры, исторического наследия, признал христианские корни Франции и даже не исключил коррекцию закона об однополых браках⁶. Вполне недвусмысленно он отверг иммиграционную идеологию и прежний иммиграционный курс, призвав восстановить «миграционный суверенитет» и пересмотреть, если потребуется, директивы ЕС.

Очень важные перемены, идущие вразрез с консолидированной западной линией, Ф. Фийон предложил в международной сфере. Формулируя приоритеты внешней политики, он при-

⁴ Discours de François Fillon à ses soutiens parlementaires. 13 juillet 2016. URL : <https://www.fillon2017.fr/discours-aux-parlementaires/> (дата обращения: 12.09.2017).

⁵ Fillon F. Mon projet pour la France. 2017. P. 3-4. URL: https://www.fillon2017.fr/wp-content/uploads/2017/03/PROJET_FRAN%C3%87OIS_FILLON_2017.pdf (дата обращения: 12.09.2017).

⁶ См., напр.: Fillon F. «Je veux faire pour les Français» : Discours à Sablé-sur-Sartre. URL: <https://www.fillon2017.fr/discours-sable/> (дата обращения: 12.09.2017).

звал позиционировать Францию как «независимую державу и балансир»; поддерживать лояльное, но независимое союзничество с США, с акцентом на непредвзятость в отношении Д. Трампа; восстановить «доверительные отношения с Россией, которая должна вновь стать одним из ведущих партнёров»; вернуть внешнеполитическую автономию и свободу решений, концентрироваться на защите интересов Франции и борьбе с терроризмом⁷.

Такого от Ф. Фийона мало кто ожидал, даже если в 1992 г. он голосовал против Маастрихтского договора, которым европейское строительство было переведено в преимущественно наднациональное русло. Несмотря на личные предпочтения, Ф. Фийон всегда выглядел человеком системным, оставаясь в тени сначала Ж. Ширака, потом Н. Саркози, и никогда не шёл против течения до конца. На этот раз он пошёл против мейнстрима – ведь такая программа означала разворот по многим пунктам, геополитическим и ценностным. Разумеется, не все поверили его риторике на тему «rupture» (разрыв), видя в ней тактический приём. Тем не менее, Ф. Фийон создал впечатление, что он может попытаться произвести разворот – вернуть французскую внешнюю политику в русло голлизма, изменить вектор развития Евросоюза, отстаивать национальную и цивилизационную идентичность, ценностную преемственность, провести «красные линии» в духовных, этических инновациях, в социальном инжиниринге.

Его смелость сразу же оценили избиратели, прежде всего правоконсервативные. Отсюда внезапный взлёт этого, казалось бы, «изношенного» политика. Однако как всё это могли воспринять в ином идейном лагере, в его собственной партии? Ведь большинство республиканцев идейно принадлежат к мейнстриму, чью позицию представлял А. Жюппе. Для этого большинства, для всех групп, олицетворяющих систему с её «pensée unique» (единой точкой зрения), заявка Ф. Фийона на смену вектора и перспектива его избрания не могли не стать шоком и... угрозой. В правоцентристском лагере сразу же пошли трещины: часть жюппеистов, как Н. Косюшко-Моризе, дистанцировались

⁷ Fillon F. Mon projet pour la France. 2017. P. 76.

от Ф. Фийона ещё до всех скандалов. Неблагонадежность Ф. Фийона в глазах системных сил – вот главная пружина развернутой против него беспрецедентной кампании грязного пиара, переключения благожелательно-нейтрального внимания СМИ на Э. Макрона и повального бегства политической элиты в лагерь последнего. Дополнительным фактором стало неприятие либеральной социально-экономической программы Ф. Фийона левой частью спектра. Оно, в свою очередь, подстегнуло радикализацию левого протеста в обществе и способствовало перегруппировке на левом фланге: победе Б. Амона на праймериз, ползучему распаду соцпартии и успеху Ж.-Л. Меланшона.

Что означают для эволюции политической системы Франции главные итоги выборов 2017 г. с формальной (институционно-организационной) и содержательной (идеологической) точки зрения? Представляют ли собой избрание Э. Макрона и формирование макроновского большинства в парламенте реваншем системных сил? Основания для такой оценки есть, несмотря на новизну «марки» президентской фракции и существенное изменение всего партийного расклада в Национальном собрании. Вопреки предвыборной риторике обновления, многие и во Франции, и в мире восприняли Э. Макрона как ставленника системы, тем более что бо́льшая часть элиты его открыто поддержала. Известны его обширные связи в истеблишменте, его карьере немало способствовали такие влиятельные фигуры, как Ж. Аттали, Ж.-П. Жуйе, А. Минк, Д. Ротшильд, А. Эрман, С. Вайнбер, Ф. Энро и др.⁸

И всё же ответ на поставленный вопрос не столь однозначен. Во многом он зависит от того, что на самом деле представляет собой самый молодой президент Пятой Республики, каковы его подлинные кредо, цели, потенциал, каков будет его курс, а на этот счёт возможны самые различные прогнозы. Неопределённым остаётся будущее новоиспечённой партии «Вперёд, Республика!». Далеко не исчерпана динамика разделения и перегруппировки в обеих бывших главных партиях. На повестке дня ребрендинг и реформа Национального Фронта, а также ве-

⁸ См. Fulda A. Emmanuel Macron, un jeune homme si parfait. P.: Éditions Plon, 2017. 205 p. ISBN: 978-2-259-21705-7.

роятные попытки консолидировать различные суверенистские объединения, да и оппозицию в целом. Переформатирование партийно-политической структуры страны, по всей видимости, продолжится. И степень непредсказуемости его общих перспектив беспрецедентна для Пятой Республики – как беспрецедентен спровоцировавший этот процесс электоральный цикл.

*Е.О. Обичкина**

ОТ ОЛЛАНДИЗМА К МАКРОНИЗМУ

Избирательная кампания 2017 г. во Франции изобиливала неожиданными поворотами, опровергавшими предварительные прогнозы, но они были не столько результатом случайности, сколько следствием разновекторных объективных обстоятельств, спланированных (удачных или неудачных) действий главных субъектов политической жизни страны, принесших победу Э. Макрону и его движению.

К объективным условиям можно отнести, в качестве главных и определяющих, последствия затянувшегося и глубокого экономического кризиса, разрушительного для сложившейся политической модели. Он, в свою очередь, привёл к качественному росту протестного электората и его дрейфу к двум полюсам политического спектра: крайне правому (успех М. Ле Пен и Национального Фронта в 1-м туре президентских выборов и на парламентских выборах) и крайне левому (успех Б. Амона на праймериз левых и особенно успех Ж.-Л. Меланшона и «Непокорённой Франции» на президентских, а также её блока с ФКП на парламентских выборах).

Вторым закономерным следствием предыдущего правления стал катастрофически низкий рейтинг уходящей команды из-за априорно провальной экономической программы Ф. Олланда. На выборах 2012 г. идея выхода из кризиса «за счёт богатых» помогла ему завоевать протестный электорат, но, по определению, не могла способствовать преодолению экономического кри-

* Обичкина Евгения Олеговна, д.и.н., профессор кафедры МО и ВП России МГИМО (У) МИД России.

зиса. Олландизм лишь усугубил неблагоприятные черты французской социальной модели, снизил конкурентоспособность и привлекательность национального рынка труда и инвестиционную привлекательность (сохранение 35-часовой рабочей недели и всеилия профсоюзов, повышение налогов с предпринимателей и с высоких доходов). Обещание преодолеть кризис за счёт состоятельных граждан неминуемо и в который раз привело к утечке капиталов и дальнейшей деиндустриализации страны, к росту безработицы и социального отчаянья, увеличило дефицит социальных фондов.

Последовавший с приходом команды М. Вальса неизбежный неолиберальный разворот Ф. Олланда не мог удовлетворить правоцентристскую оппозицию, зато отвратил от команды Олланда–Вальса базовый левый электорат. Следствием была победа социального утописта-уравнителя Б. Амона на праймериз Левого альянса (ФСП+) и огромный успех прежнего маргинала Ж.-Л. Меланшона, привлёкшего левый протестный электорат, а в итоге – глубочайший кризис «партийного социализма» – детища Ф. Миттерана (олицетворением которого и была уходящая команда).

Думается, к спланированным шагам, обусловившим победу Макрона, можно отнести, в первую очередь, крушение репутации Ф. Фийона – главного фаворита от системной правой оппозиции (Республиканцев). Вброс компрометирующей информации (накопленной ранее и ждавшей своего часа) произошёл одновременно с победой Б. Амона на праймериз левых (ФСП+). «Осиротели» – как левоцентристы – сторонники «партийного социализма», так и сторонники оппозиции – правоцентристы – жюппеисты. Им и был адресован проект Макрон+, в пользу которого осуществился этот главный двойной разворот кампании (конец января 2017 г.). С этого момента, в отличие от своих соперников, Макрон не сделал ни одного ложного шага, если не считать ряда некорректных высокомерных высказываний (вроде алжирского), которые, впрочем, были перекрыты принципиальными заявлениями о поддержке «великодушной политики» А. Меркель в отношении сирийских беженцев. Последние должны были обозначить явный разрыв Э. Макрона с наиболее

опасными соперниками – правыми консерваторами вокруг Ф. Фийона и ультраправыми вокруг М. Ле Пен.

На мой взгляд, макронизм – это, прежде всего, успешный электоральный продукт, start up политического маркетинга, успех которого на электоральном рынке основан на нескольких стратегических преимуществах:

– функциональность: акцент избирательной кампании, строившейся на противостоянии идеологий – консерваторов-республиканцев и модернистов-социалистов – **сместился в область, более подвластную законодателью и суду** по сравнению с проблемами занятости, иммиграции и терроризма. Их не решить с помощью ручного управления **в операционном поле некой «моральной политики»**. Начало положило «дело Фийона», которому не замедлило дать ход уходящее министерство. За ним в период выборов в Национальное собрание последовали дознания по делам прочих депутатов, подверженных тому же греху. Использование служебного положения для финансирования политической деятельности или пополнения семейного бюджета, прежде считавшиеся неотъемлемой привилегией депутатского корпуса, стали расценивать как преступления. Это только начало масштабной кампании обновления слоя французских нотаблей, в котором именно у Э. Макрона не было прочных корней. Таким образом, итог и смысл «дела Фийона» гораздо шире, чем просто устранение главного соперника Э. Макрона, но часть того замысла, который был вынесен в заглавие предвыборной книги нового президента – «Революция».

– макронизм призван прийти на смену «устаревшей» модели, разочаровавшей избирателей. Он может стать избирательным продуктом «нового поколения». «Пенелопгейт»⁹ поставил в центр кампании новую повестку дня, отвечающую запросу рядового электората (в том числе, протестного) и одновременно способную реализоваться в срочных и громких скандальных досье, за счёт чего можно достичь немедленного успеха. Не будучи ни оригинальным, ни решительным в экономической части своей программы, дабы не отвратить потенциальных избирате-

⁹ Скандал, связанный с сомнительным трудоустройством жены Ф. Фийона – Пенелопы Фийон.

лей из разных лагерей, лидер движения «Вперёд!» оседлал тему политической коррупции. Это впечатлило избирателей и поставило под удар широкую группу системных политиков – депутатов всех уровней. Плачевной участи не избежал и лидер центристов (МоДем) Ф. Байру, оказавший Э. Макрону неоценимую услугу, предложив новоизбранному президенту предвыборный альянс. Дискредитированный очередными разоблачениями, председатель МоДем самым естественным образом лишился поста министра юстиции в новом правительстве Э. Филлиппа;

– востребованность – важное условие успеха проекта Э. Макрона. Рост протестного электората означает настрой на коренные перемены и дискредитацию правящих кругов, которая открыла дорогу несистемным и антисистемным кандидатам, встревожив массу благополучных, но разочарованных граждан или «осиротевших» избирателей системных Республиканцев и ФСП. Три резких поворота кампании привели в растерянность их «базовый» электорат: «пенелопгейт», скомпрометировавший Ф. Фийона, практическая программа Амона, и как фон и следствие – теоретическая вероятность победы Национального Фронта. В цепи этих обстоятельств истинным облегчением для штаба Э. Макрона было упорное нежелание Ф. Фийона отказаться от борьбы в разгар президентской кампании в пользу А. Жюппе, который своей умеренностью удовлетворил бы многих сторонников привычной «alternance» (безболезненной смены двух главных политических сил у власти);

– новизна «избирательного продукта», представленного Э. Макроном, при наличии у него внушительного опыта управления на общенациональном и международном уровне, помноженная на его внешнюю презентабельность (интеллект, энергетика, молодость, личная романтическая история, сочетание управленческого успеха и «несистемности» в политике), при его интегрированности в управленческую элиту (экономика – банки – политика-администрация) также способствовала его продвижению на электоральном рынке.

– приемлемость Э. Макрона для широкого спектра потребительских групп (право-левоцентр), нацеленных на позитив-

ные перемены под флагом «прогрессизма».

Правление Э. Макрона, надо думать, будет правлением уже не традиционного политического корпуса, оттеснённого от кормила власти превратностями избирательной кампании, а функционеров-управленцев, объединённых понятием «энархократия», ядро которых – энергичные и сплочённые выпускники престижных ВУЗов, прошедшие выучку в Национальной школе администрации (ENA). В предстоящем пятилетии главным вызовом их привычке к эффективности может стать углубление разрыва с избирателями и с их традиционными представителями – эшелонами прежних депутатов и советников разных уровней;

– преодолеть этот разрыв и противодействие традиционно-го политического класса новый президент намерен прямой апелляцией к гражданам. Во всяком случае, уже сейчас видно, что по внешним признакам и на вербальном уровне макронизм, как и голлизм, унаследовал черты бонапартизма – типично французское явление.

Обстоятельства кампании сложились так, что Э. Макрон свободен от социальных обязательств перед какой-то группой. Он стал единственным прибежищем сторонников республиканских ценностей, поэтому у него нет чувства долга перед «базовым» электоратом, которого у него к тому же не было, и не обязан проводить какие-либо реформы только для его удовлетворения. Таким образом, он может действовать в строгом соответствии с собственным замыслом и с обстоятельствами.

Кроме того, он располагает абсолютным большинством в Национальном собрании, и его сторонники большей частью – люди, пришедшие в политику благодаря ему под лозунгом обновления, что вполне способно обеспечить поддержку курсу президента, намеренного, ввиду неотложности реформ, подстроить законотворческие процедуры под собственные критерии эффективного управления. Одним из главных выступлений нового президента стала речь перед парламентским Конгрессом в Версале 3 июля 2017 г., в которой он огласил основные принципы намеченной реформы политической практики Пятой республики, главный из которых – «действовать быстро, не затягивая обсуждение законов» («*légiférer moins, agir vite*»). В этой

формуле проявляется отличительная черта нового президента – то «особое нетерпение» («la nouvelle impatience»), в котором сам он видит залог успешности своих начинаний там, где не преуспели его предшественники.

*М.А. Уварова**

ВЫБОРЫ 2017 г.: ФЕНОМЕН НЕОБОНАПАРТИЗМА

Президентская кампания 2017 г. оказалась для Франции одной из самых тяжёлых за всю её послевоенную историю. Она прошла в обстановке разочарования, недоверия, растерянности. Этому способствовал ряд событий и обстоятельств последних лет – нерешённая миграционная проблема, террористические атаки, общая напряжённость международной обстановки, рост праворадикальных настроений и евроскептицизма, неспособность правительства и бывшего президента Ф. Олланда решить острые социально-экономические проблемы. Главным негативным фактором стала неэффективность и бездействие системных партий, условных левых и правых – социалистов и «республиканцев». Две крупнейшие, влиятельные и старейшие партии Пятой республики не сумели предложить избирателю ответы на новые социально-политические вызовы; они, напротив, демонстрировали апатию и неспособность к обновлению, к гибкости и чуткому реагированию на быстро меняющуюся ситуацию. Как левая, так и правая программы уже не могли в достаточной мере удовлетворить запросы французов, запросы, касавшиеся фундаментальных, «вечных» общественно-политических проблем – трудового законодательства и безработицы, социальных гарантий и льгот, экономического роста и свободы бизнеса, внутренней безопасности, миграции и этнических конфликтов. Знаковым стал отказ Ф. Олланда повторно баллотироваться на пост президента – тем самым он открыто признавал собственную беспомощность и невостребованность. «Республиканцев» в раз-

* Уварова Мария Александровна, к.и.н., доцент Кафедры истории и географии зарубежных стран Московского государственного лингвистического университета.

гар предвыборной гонки серьёзно дискредитировал коррупционный скандал, связанный с семьёй их кандидата Ф. Фийона.

Ещё два года назад надежды «республиканцев» воплощал бывший президент Н. Саркози, шансы которого на возвращение в большую политику оценивали как высокие. Харизматичный лидер с популистской риторикой, обещавший очистить Пятую республику от ржавчины, омолодить и освежить голлистские идеи и ценности, не скрывавший своего восхищения прославленным создателем Пятой республики, Саркози, казалось, готовил себе неплохую почву для успеха. Однако в ходе праймериз кандидатом от партии стал гораздо менее гибкий и популярный Ф. Фийон. Зато на фоне угасания старых партий стала быстро расти популярность несистемного лидера Национального фронта М. Ле Пен, и её популярность стала одной из ключевых особенностей недавней президентской кампании.

Успех ведущей ультраправой партии страны оказался впечатляющим. Бросалась в глаза «работа над ошибками», проведённая М. Ле Пен на посту лидера движения. Из маргиналов с праворадикальными, едва ли не фашистскими лозунгами Национальный фронт превратился в партию общенационального масштаба, в полновесного конкурента старых системных партий. М. Ле Пен смягчила свою риторику и взгляды, даже невзирая на извечную резкую критику Евросоюза и общего рынка. Национальный фронт умело аккумулировал и перерабатывал идеи социалистов и «республиканцев», попытавшись сместиться в сторону правого центра, позиционируя себя уже, скорее, как консерваторов, чем радикалов-националистов. Впервые за свою историю Национальный фронт занял второе место во втором туре выборов. Однако второй тур стал примечательным не столько благодаря популярности националистов, сколько благодаря тому обстоятельству, что впервые в истории Пятой республики (и всех французских республик вообще) он представил собой битву двух несистемных партий и политиков.

Вопреки ожиданиям политологов и самих избирателей, соперником националистов стал не республиканец, а новый, «ни правый, ни левый» кандидат Э. Макрон. Созданная им партия «Вперёд, Республика!» на тот момент существовала всего год,

возникнув стремительно, внезапно и практически из ниоткуда. Бесспорно, в победу Э. Макрона внесли свой вклад настроения «кто угодно, только не М. Ле Пен», ибо всё же большее число французов опасалось, и не без оснований, победы ультраправых. Однако существенное отличие Э. Макрона от тактики и идеологии прежних партий – это его центристская программа и заметные лидерские устремления.

Центризм Э. Макрона подразумевает создание широкой социальной базы благодаря отказу от традиционного причисления себя к правым либо к левым. Почему такая позиция «сработала» и заставила французов обратить внимание и симпатии в сторону нового молодого кандидата? В данном случае сказались не только усталость от невыполненных обещаний и заезженных лозунгов старых системных партий. Сошлись два фактора – давняя историческая традиция и ключевые принципы системы Пятой республики.

Во Франции устойчив национальный «миф о спасителе» – появлении на политическом горизонте личности, не принадлежащей к правящей политической элите, но способной завоевать симпатии народа благодаря альтернативной программе. Такие персонажи появляются в критические для истории страны моменты – в ходе революций, войн, социальных кризисов – именно тогда, когда элита не может справиться с трудностями, когда старые идеи и приемы не работают, когда старые лидеры теряют доверие масс. Яркими примерами «спасителей» были Наполеон I, Наполеон III и Шарль де Голль. Они предложили французам политические системы, институты и ценности, основанные на массовой поддержке, на соединении традиционности и новых социально-политических условий, на отказе от принадлежности к любой из старых идеологий. Широкая «право-левая» социально-экономическая программа Э. Макрона словно восходит к аналогичным программам обоих Бонапартов, стремившихся примирить и удовлетворить чаяния всех классов – и буржуазии, и крестьян, и рабочих. Президентская кампания Э. Макрона и общий политический фон Франции 2017 г. напоминают президентскую кампанию 1848 г., когда среди предсказуемых и вызывавших всеобщее раздражение кандидатов – орле-

анистов, республиканцев, социалистов и легитимистов – появился Луи Бонапарт, отвергавший как монархию, так и республику и обещавший нации процветание и мир под сенью «свободы и порядка» – сохранения демократических ценностей революции при авторитарном, но легитимном лидере. «Ни левая, ни правая» позиция Э. Макрона направлена на урегулирование социальной напряжённости, на сглаживание взаимной вражды между условными трудом и капиталом в той же степени, в которой император Наполеон I намеревался спасти идеалы революции, восстановив трон, дворянские титулы и наследственную передачу престола. Как и Бонапарты, как и Ш. де Голль, Э. Макрон весьма вовремя и к месту уловил несостоятельность, обречённость классической «право-левой» парадигмы; в отличие от своих предшественников на президентском посту, он представляет программу социального компромисса, что прежде удавалось только бонапартистам. Разумеется, Э. Макрон не имеет ничего общего с бонапартистской фабулой политических институтов и «авторитарной демократией», в его программе не заложено коренное преобразование механизмов власти, «Революция» Э. Макрона – это не голлистский прорыв 1958 г. Однако мы осмелимся назвать бонапартистскими его социально-экономические взгляды, подразумевающие одновременно и сохранение социальных гарантий, и широкое внедрение либеральной экономики; усиление спецслужб и полиции при одновременном сохранении открытости Франции для мигрантов. Иными словами, именно то, что не удалось Н. Саркози и Ф. Олланду, не сумевшим найти баланс и компромисс между жёстким регулированием и всей полнотой гражданских свобод. Э. Макрон, как и Бонапарты, рискует получить от оппонентов упреки в «социальном лавировании» и «демагогии» – подобно тому, как некогда марксисты презрительно охарактеризовали бонапартизм.

В период президентства Саркози главным «новым бонапартистом» нередко называли именно его. Сам лидер «республиканцев» полушутя-полусерьёзно признавался в своих не только голлистских, но и бонапартистских симпатиях, не скрывал восхищения Наполеоном III и его блестящим даром манипулировать общественным мнением и массовым сознанием. Однако

Саркози оставался вполне системным, «классово ориентированным» политиком, заимствовавшим у бонапартизма самую его, пожалуй, спорную и отнюдь не лучшую из доктрин и тактик – популизм. Попытка обратиться к себе чаяния широких масс, оставаясь консервативным либералом, ассоциируется не с Наполеоном, а, скорее, с Луи-Филиппом, «королём банкиров», использовавшим инструменты гражданского общества исключительно для поддержания стабильности элиты, но не общества в целом. Э. Макрон отказался от популистских принципов и риторики. Он позиционирует себя президентом французов, а не определённого класса, партии, фракции. В своём политическом стиле и риторике Э. Макрон умело избегает элементов личной «диктатуры» или авторитарности, что было свойственно Н. Саркози и что отнюдь не способствовало росту его популярности.

Тем не менее, все факторы, способствовавшие успеху Э. Макрона – вызывающий разрыв как с правыми, так и с левыми, молодость, внезапность появления, свежесть его идей – вполне способны создать для него образ национального лидера, даже, быть может, вопреки его намерениям. Лидерство как политический институт – это принцип, подразумеваемый самой системой Пятой республики и неоднократно проявлявший свою эффективность на протяжении истории Франции в Новое время. Лидерство – это не только сильная президентская власть с соответствующими рычагами управления. Это не только яркая личная харизма (которой, стоит отметить, Э. Макрон манипулирует весьма деликатно и тонко, в отличие от Н. Саркози). Лидерство – это программа, комплекс идей и новых подходов, направленных на решение общенациональных проблем. История Франции, начиная с Учредительного собрания в Версале, – это, в сущности, история революций и лидерства: кризисные моменты, создающие напряжённость между народом и элитой, и появление фигуры, способной в той или иной степени бескровно разрешить этот конфликт. В данном случае победа Э. Макрона словно удовлетворяет негласный общественный запрос на подобного лидера, способного если не сломать, то реформировать старую систему, омолодить её, вдохнуть в неё новое мышление, ввести в неё новых людей и новые подходы. Является ли Э.

Макрон лидером бонапартистского толка? Скорее всего, нет. Ибо его программа направлена на эволюционный путь, а не на разрушение прежних институтов и конструирование новых вокруг себя и своего близкого окружения. Франции привычен революционный тип лидера, к которым можно отнести и Ш. де Голля, уничтожившего Четвёртую республику. Э. Макрон ставит своей задачей сохранить лучшее в институтах и традициях существующей республики реформистским путём. Он не спасает демократию через авторитарный режим; он спасает республику республиканскими же методами.

В самом начале президентской кампании, на пике разочарования политикой Олланда, французские политологи нередко задавались вопросом о перспективе угасания Пятой республики и установления новой – Шестой. Означает ли победа такого политика, как Э. Макрон, разрыв с традицией Пятой республики и переход к новой эпохе развития государственных институтов и социальной политики Франции? Свою предвыборную программу Э. Макрон изложил в книге «Революция». Речь в ней идёт о революции не столько как о политическом потрясении, сколько о революции идей, которыми руководствуется новый президент. Созданная им широкая социальная платформа, демонстративный отказ идти в русле политики двух ведущих старых партий – несомненно, беспрецедентный шаг в истории Пятой республики. Он означает формирование не только нового курса, но и новой партии – не исключено, что движение «Вперёд, Республика!» станет для Франции наших дней тем же, чем стали для неё голлисты и партия «Объединение в поддержку республики» в 1958 г. У бонапартистов Э. Макрон «заимствовал» принцип лидерства и «социальное лавирование»; у голлистов – обновление политической и социальной систем без свержения республики. На фоне относительно яркой программы движения «Вперёд!» старые партии Пятой республики определённым образом теряют популярность. Весьма вероятно, что в ближайшие годы двумя главными конкурентами за симпатии французского электората станут «нетрадиционные» Национальный фронт и «макронисты». Это, в свою очередь, уже означает большой шаг в сторону постепенной ликвидации партийно-политической си-

стемы Пятой республики. Несомненно, республика не погибнет в огне государственного переворота; но её ждут глубокие реформы, по своей сути сравнимые с эффектом революции. Возникнет ли Шестая Республика, покажет время.

*Г.Н. Канинская**

ОТКРЫЛО ЛИ ПРЕЗИДЕНТСТВО Э. МАКРОНА НОВУЮ СТРАНИЦУ В ИСТОРИИ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ?

Политическую жизнь Франции весны-лета 2017 г. заметно оживили убедительная победа Э. Макрона на президентских выборах в мае 2017 г.; затем завоевание абсолютного большинства в парламенте в июне его партией «Вперёд, Республика!» в блоке с партией «Демократическое движение» Ф. Байру; выступление на Конгрессе в Версале перед членами обеих палат парламента 3 июля, во время которого были обнародованы главные цели нового правительства; выступление премьера Э. Филиппа, который, в свою очередь, 4 июля изложил депутатам Национальной ассамблеи основные реформы, намеченные президентом. Все эти события дали множество поводов для критического осмысления.

Представляется, что анализ «макронизма» уже можно вписать в две исторические перспективы – «краткосрочную» и «среднесрочную», опираясь на знаменитую «броделевскую» периодизацию исторического времени. Хотелось бы согласиться с суждением известного французского историка, одного из зачинателей направления «культурная история» в исторической науке, Ж-Ф. Сиринолли: «Историк не может предсказать, какое будущее ждёт V Республику в стране, которая так любит менять режимы, но он способен с помощью своих методов, документального арсенала и исследовательских приёмов обогатить знание и тем самым легитимизировать историю настоящего времени»¹⁰.

* Канинская Галина Николаевна, д.и.н., профессор кафедры Новой и новейшей истории Ярославского государственного Университета.

¹⁰ Comprendre la V-e République (s.l.d. de J. Garrigues, S.Guillaume, J-F. Sirinelli).

Думается, что с точки зрения «истории короткого времени», феномен Э. Макрона стал новым «историческим событием» для Франции, которое политической науке ещё предстоит осмыслить¹¹. В чём проявилась эта новизна? Прежде всего, в том, что Э. Макрон добился победы на президентских выборах, фактически не имея ни собственной партии, ни чётко определённого электората, причём набрал силу за очень короткий срок, объединив своих сторонников в движение «Вперёд!». Вместе с тем, выбрав во время президентской кампании лозунг «ни-ни», который должен был дать понять электорату, что он не принадлежит ни к традиционным правым, ни к традиционным левым партиям, Э. Макрон на деле «открыл двери» как правым, так и левым политикам. Став президентом, он сформировал правительство из перешедших в его движение социалистов, правых республиканцев (LR), независимых республиканцев (UDI), центристов (MoDem), экологистов, левых радикалов, а также прежде беспартийных. Примечательно, например, что в правительство Э. Макрона вошёл очень популярный во Франции экологист Николя Юло, который не только никогда не входил в партию «Зелёных» (EE-LV), несмотря на многочисленные попытки этой партии ангажировать его, но и неоднократно отказывался от министерских портфелей, когда их предлагали ему президенты Н. Саркози и Ф. Олланд. Иными словами, получается, что «макронизм» – это новый вариант «центризма». Прежние центристы – Ж. Лекануэ, В. Жискар д'Эстен, Ф. Байру – пытались сгруппировать лишь правых и правый центр, тогда как Э. Макрон добился именно сотрудничества правых и левых.

В этой связи, несомненно, новым вектором партийно-политической жизни Франции можно считать подход Э. Макрона к формированию своей партии «Вперёд, Республика!», получившей 308 депутатских мест в новом парламенте. Традиционно во Франции функционировали строго организованные «партийные машины», какими были, например, системообразующие ФСП,

li). P., PUF, 2010. P. 7.

¹¹ В частности, так утверждает профессор Института политических наук Парижа Н. Руссель в интервью журналу «L'Obs». См.: «Une majorité presque encombrante pour le vainqueur». L'Obs, №2745, du 15 au 21 juin 2017. P. 44-46.

РПР/СНД. Выдвижение кандидатов на президентский пост происходило в них по запрещённой внутренними правилами процедуре, даже имея в виду недавно появившуюся практику внутрипартийных праймериз. Эффект Э. Макрона в том, что он перевернул ситуацию «с ног на голову», ибо сначала появился кандидат, а потом он уже создал свою партию. К тому же, в уставе вновь образованной партии нет упоминаний о таких традиционных элементах самоидентификации как съезды, федерации; существуют только местные комитеты, напоминающие современные «флэшмобы». На прошедшем 8 июля партийном форуме, собравшем 3 тыс. участников, чётко проявилось намерение дистанцироваться от практики «старых» политических формирований. В частности, в партии будет коллективное руководство из трёх членов, не предусмотрен пост генерального секретаря, отменяются членские взносы, а в целях расширенного участия граждан создаётся национальный совет, открытый для местных кадров. Стремление продемонстрировать своё отличие от «старых» партий проявляется у «макронистов» даже в политическом лексиконе. Слову «съезд» 8 июля они предпочли название «конвенция», что по-русски понятнее звучит, как «ассамблея». В партийной риторике «республиканцы-макронисты» широко употребляют англоязычные термины из арсенала делового мира предприятий: «brainstorming», «team-building» («мозговой штурм», «создание команды»)¹².

Кроме того, тактика Э. Макрона явно привела к подрыву прежней свойственной Пятой республике системы власти в виде треугольной партийно-политической связи: президент–большинство–партия. Отныне становится возможным «пилотирование» президентского большинства на места, не имея партийных ячеек. В том, что кандидаты теперь могут создавать партии в виде «ассоциаций», служащих векторами их политической траектории, Э. Макрон стал явно первопроходцем. И подтверждением этого нового этапа в истории Пятой республики можно считать попытки экс-социалистов Б. Амона и М. Вальса создать

¹² En convention à La Villette, la République en Marche prépare son avenir. URL: <http://www.modem76.com/2017/07/en-convention-a-la-villette-la-republique-en-marche-prepare-son-avenir.html> (дата обращения: 16.09.2017).

свои движения.

Что касается второго ракурса – «среднесрочного исторического времени», – то в феномене Э. Макрона можно проследить как проявления глубоко укоренившихся в обществе свойств французской «революционной» (по определению известного французского историка Ф. Фюре) политической культуры, так и присущих Пятой республике институциональных принципов. Прежде всего, это касается традиционного деления французов на левых и правых, идущего со времени революции 1789 г. Надо отметить, что понятия «левые» и «правые», когда многократно граждане Франции раскалывались на два противоположных лагеря, не всегда чётко шло по партийной линии. В периоды острой идейной борьбы «левых» считали прогрессивными сторонниками реформ, тогда как «правых» – консерваторами, препятствующими под видом защиты традиций передовым преобразованиям в жизни общества. Не углубляясь далеко в историческое прошлое, заметим, что именно в партийно-политическом раскладе разных республик во Франции «прогрессисты» из первоначально левых могли впоследствии оказаться правыми. Например, в парламентской Третьей республике подобная метаморфоза произошла с партией радикалов. Причём и внутри партий всегда существовали правое и левое крыло. Тут можно опять вспомнить радикалов, которые на заре президентской Пятой республики окончательно раскололись на две самостоятельные партии, став союзниками других левых и правых партий. Даже в партии Ш. Де Голля Республиканско-демократический союз (ЮДР) существовали «левые голлисты». Движение Э. Макрона, таким образом, вполне вписывается в очередной виток идейной борьбы во французском обществе в целом, представляя собой новых «прогрессистов», сторонников обновления политической жизни в стране и кардинальных реформ, выступающих против новых «консерваторов», или «охранителей», стремящихся сохранить «статус-кво», в первую очередь, в партийно-политическом принципе руководства страной.

Другой характеристикой французской политической культуры, на которой «сыграл» Э. Макрон, можно считать присущую французской демократии философию центризма, «осно-

ванную на идее политического плюрализма и признании необходимости установить диалог и терпимость в обществе»¹³. Ёмкую характеристику современной социокультурной политической экосистемы Франции дал Ф. Сиринелли, обрисовав её следующим образом: в основе экосистемы лежит «социокультурный цоколь», состоящий из базовых ценностей общества, наверху находится сплав различных политических институтов, а между ними, как пружины, вибрируют «дополнительные составляющие» – общество, или граждане-носители этих ценностей. Институты и ценности далеко не всегда эволюционируют синхронно, и получается, что история политических систем во многом зависит от реакции на события, происходящие в институтах и цоколе, со стороны этих «дополнительных политических составляющих»¹⁴. В этом контексте Э. Макрон и его партия, которая проявляет себя, именно в движении, постепенно нащупывая политический курс, сделала заявку на то, чтобы преодолеть возникший со всех сторон (социальной, экономической, культурной, медиатической, религиозной, международной) разлад между эволюцией политического режима и общества. Непопулярность всех традиционных партий и их правительств стала главной темой общественно-политической жизни, чем удачно воспользовался Э. Макрон во время президентских выборов. Тем не менее, более 50% граждан проигнорировали парламентские выборы. Отказ от участия свидетельствует о сохраняющихся серьёзных разногласиях во взаимоотношениях между государством и обществом, и чтобы их преодолеть, новому главе государства и его правительству предстоит серьёзная работа.

Э. Макрон не спешит чётко формулировать свою идеологическую платформу. Определённо его нельзя назвать либералом. Будучи воспитанным на философии П. Рикёра, поработав его ассистентом, Э. Макрон своими выступлениями, на первый взгляд, проявился сторонником рикёровской «философии понимания», склоняясь скорее к «совещательной, парламентской демократии участия, чем к прямой представительной демокра-

¹³ Furet F., Julliard J., Rosanvallon P. La République du centre. P. 1990. P. 109.

¹⁴ Comprendre la V-e République (s.l.d. de J. Garrigues, S. Guillaume, J-F. Sirinelli). P., PUF, 2010. P. 27.

тии»¹⁵. Этим можно объяснить необычный состав как его правительства, так и членов парламентской группы, куда вошло немало молодёжи (даже один студент) и новичков в политике, представляющих образом гражданское общество. В этой связи напрашивается на продолжение идея французских мэтров о том, что «в центре социальной структуры выделяется социальная группа, которая пытается реализовать в конце XX века то, что «новые социальные слои» периода Гамбетты сделали в конце XIX века»¹⁶, с поправкой на то, что попытка эта увенчалась успехом во втором десятилетии XXI в.

Наконец, как вписываются победа Э. Макрона и его партии на выборах мая-июня 2017 г. в институциональное устройство Пятой республики? Очевиден факт, что Э. Макрон в условиях, когда устои Пятой республики, казалось, основательно расшатались, выступил её гарантом. В отличие от ратовавших за Шестую республику Ж.-Л. Меланшона и Б. Амона, он не только в своих выступлениях не ставил под сомнение законность существующего политического строя, но и чётко дал понять, что при случае воспользуется гарантированными Конституцией правом на управление с помощью указов и статьей 49.3 о чрезвычайных полномочиях президента, к чему, например, опасались прибегать Ф. Миттеран и Ф. Олланд. Став президентом, Э. Макрон полностью перенял традиционный политический стиль главы государства, характерный для Пятой республики, придав ей, по утверждению Н. Русселье, «второе дыхание»¹⁷. Специалисты подсчитали, что в полутора часовом выступлении 3 июля Э. Макрон наиболее часто употреблял слова: «Франция» (35 раз), «народ» (30 раз), «республика» (25 раз); а количество упоминаний о базовых республиканских ценностях – «свобода, равенство, братство» – составило соответственно 20, 6 и 3 раза¹⁸.

¹⁵ N. Roussellier. Une majorité presque encombrante pour le vainqueur. L'Obs, №2745, du 15 au 21 juin 2017. P. 46.

¹⁶ Furet F., Julliard J., Rosanvallon P. La République du centre. P. 1990. P. 120-121.

¹⁷ Roussellier N. Une majorité presque encombrante pour le vainqueur. L'Obs, №2745, du 15 au 21 juin 2017. P. 46.

¹⁸ Les mots qui pèsent et ceux qui manquent: analyse des discours de Macron et de Philippe. URL: <http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/07/05/les-mots->

Обозначив 3 июля перед Конгрессом шесть направлений предстоящей институциональной реформы, Э. Макрон явно намеревается оздоровить работу парламента, который давно находится в кризисе, «утратил свою основную функцию принятия законов и играет в качестве компенсации роль оценщика государственной политики»¹⁹. Удастся ли, как заявил Э. Макрон, «придать больше веса и возможностей республиканским избранникам»²⁰ за счёт сокращения на треть численности депутатов Национальной Ассамблеи и введения дозы пропорциональности на выборах в обе палаты парламента, покажет время. Традиционно парламента был также местом для политических дискуссий, где оппозиционные партии имели право открыто выражать своё мнение. При сложившемся абсолютном большинстве «макронистов» и остром кризисе «старых» партий, находящихся в процессе распада, если не исчезновения с политической сцены, должна произойти существенная перегруппировка политических сил Пятой республики. Осенью, после съездов социалистов и республиканцев, ситуация должна больше проясниться, но явно одно – оппозиция будет складываться вокруг конкретного лидера, способного создать партию/движение. На сегодня подобное персонифицированное объединение – «Непокорённая Франция» – организовал лишь Ж.-Л. Меланшон. К тому же, оппозицию правительству вполне могут составить профсоюзы и в более широком смысле – массовый социальный протест.

Подводя итог, подчеркнём, что президентские и парламентские выборы во Франции 2017 г., по многим параметрам открыли новую страницу в истории Пятой республики, но вместе с тем не подорвали её глубоко укоренившийся генетический код. Как метко отметил известный французский социолог Р. Дебре, «система создала систему», чтобы выжить»²¹.

qui-pesent-et-ceux-qui-manquent-l-analyse-des-discours-de-macron-et-de-philippe-5156350_4355770.html#KdrQCcSsvXKfCHSX.99 (дата обращения: 03.07.2017).

¹⁹ Roussellier N. Une majorité precque encombrante pour le vainqueur. L'Obs, №2745, du 15 au 21 juin 2017. P. 46.

²⁰ Les réactions au discours d'Emmanuel Macron devant le Congrès. URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2017/07/03/les-reactions-aux-discours-d-emmanuel-macron-devant-le-congres_5155063_823448.html#J5jbxFHdltGJFMI1.99 (дата обращения: 03.07.2017).

²¹ Macron ou le couronnement de l'Amérique. L'Obs, №2741, du 18 au 24 mai

РОССКИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРЕЗИДЕНТА Э. МАКРОНА

Главные направления внешней политики Франции новый президент Франции Э. Макрон обозначил ещё в своей предвыборной программе, хотя по сравнению с внутренними проблемами ей было уделено относительно мало места. Основное внимание он обращал на европейское направление, укрепление позиций Франции в Евросоюзе, её активное участие во всех мировых конфликтах в рамках действующих международных институтов. Э. Макрон предлагал также установить «независимый, полноценный и продолжительный» диалог с Россией и «организовать деэскалацию санкционного противостояния»²². Большинство экспертов считают, что перед Э. Макроном, который вознамерился вернуть Франции достойное место на международной арене, главная задача – выстроить отношения с Соединёнными Штатами и Германией.

Приходя к власти, новый президент Франции развил бурную деятельность именно на внешнеполитическом направлении, стремясь набрать очки перед серьёзными и достаточно болезненными мерами, которые ему предстоит осуществить в экономике и социальной сфере страны. В этом Э. Макрону благоприятствует складывающаяся на международной арене обстановка, осложнённая непрогнозируемыми внешнеполитическими действиями американского президента Трампа, проблемы в Евросоюзе, в том числе в связи с Брекзитом, угрозы, исходящие из Ближнего и Дальнего Востока. Как считает один из ведущих французских аналитиков Д. Моизи, именно в этих условиях «наша внешняя политика начинает играть ведущую роль»²³. На

2017. Р. 76.

* Зуева Кира Павловна, к.и.н., с.н.с. НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

²² Борьба программ: что обещают избирателям лидеры президентской гонки во Франции. URL: <https://russian.rt.com/world/article/381310-vibori-franciya-lepen-makron-melanshon> (дата обращения: 16.08.2017).

²³ Внешняя политика Макрона: в поисках новых принципов. URL: <http://polit.com.ru/22474.html> (дата обращения: 16.08.2017).

протяжении трёх месяцев Э. Макрон встретился с целым рядом руководителей крупных мировых держав, в том числе с канцлером Германии А. Меркель, президентом России В. Путиным, президентом США Д. Трампом и рядом других президентов и премьер-министров. Кроме того, он принял участие во встрече «Большой семёрки» и «Большой двадцатки», а также в саммитах НАТО и ЕС. Новичок в проблемах внешней политики, Э. Макрон не стесняется, если не сказать больше, в оценках действий своих коллег. Так, в беседе с президентом В. Путиным он назвал российские СМИ «лживыми», а во время своего визита в Киев открыто обвинил Россию в агрессии по отношению к Украине. В преддверии поездки по странам Восточной Европы, которые, как известно, находятся в сфере влияния Германии и которые он, очевидно, надеется собрать под свои знамёна, президент Франции раскритиковал своего партнёра и союзника. Э. Макрон обвинил Германию в том, что она извлекает выгоду из неурядиц в еврозоне и слабых сторон других членов Евросоюза. Не избежал критики, хотя и в более сдержанной форме и президент Д. Трамп за отказ участвовать в Парижском соглашении по климату, а также за введение новых санкций против России, которые могут серьёзно отразиться на интересах французских компаний.

Взгляды Э. Макрона по проблемам внешней политики, в частности в том, что касалось отношений с Россией, формировались не на пустом месте. Политическим «отцом», давшим ему «путёвку» в жизнь, считают Ж. Аттали – философа-глобалиста и социалиста по убеждениям, одного из архитекторов единой Европы. Последний всегда считал Россию историческим партнёром Франции и говорил о необходимости привлечь её к сотрудничеству с Европейским союзом. Ж. Аттали, стратегически мыслящий политик, неоднократно заявлял, что Франции необходимо ориентироваться на Россию, обладающую огромным потенциалом в энергетической, технологической, транспортной и туристической отраслях. Пост министра иностранных дел Э. Макрон поручил бывшему министру обороны при президенте Олланде Ж.-И. Ле Дриану, который всегда выступал за сотрудничество с Россией. Таких же взглядов придерживается и гене-

рал Д. Тренкан, который в течение полугода консультировал никогда не служившего в армии Э. Макрона в вопросах военной политики. Нет сомнений в том, что новый президент находится в курсе оценок и взглядов, которые высказывают авторитетные представители французского научного сообщества по внешне-политическим проблемам, в частности, в том, что касается российско-французских отношений. Так, в статье, опубликованной в журнале «Politique étrangère», советник директора Французского института международных отношений (ИФРИ) Д. Давид безоговорочно признал тот факт, что Россия является мировой державой. Он высказался за сотрудничество с ней Франции в таких вопросах, как разрешение конфликтов на Украине, на Ближнем Востоке, европейская безопасность. «Эволюция мира, – писал Давид, – делает необходимым включение Москвы в основные международные процессы»²⁴. Несколько более сдержанную позицию занял шеф Д. Давида, крупнейший французский политолог, директор ИФРИ Т. Гомар. Назвав ключевыми направлениями французской внешней политики особые отношения с США и Германией, а также участие в ключевых международных организациях, он полагает, что российское направление пока к ним не относится. Однако Т. Гомар считает, что главное сейчас в диалоге с Москвой – «оздоровить двусторонние отношения, перевернуть страницу и попытаться преодолеть негатив предвыборного периода»²⁵. О необходимости развивать отношения с Россией неоднократно говорил И. Бло, бывший депутат Национального собрания и Европарламента, советник президентов Ж. Ширака и Н. Саркози. По его мнению, помимо других выгод, «нормализация отношений с Россией – способ для Э. Макрона добиться большей независимости от США»²⁶.

Проблемы, по которым в ближайшее время будет происходить активное взаимодействие между Францией и Россией, –

²⁴ Davide Dominique. Vivre avec la Russie. «Politique étrangère», 2017, № 1. P. 70.

²⁵ Европейская политика – слабое место президента Макрона. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3342095?utm_campaign=relap&utm_medium=all&utm_source=kommersant (дата обращения: 16.08.2017).

²⁶ Советник Саркози: Макрон может улучшить отношения с Россией. URL: www.rubaltic.ru/article/politica-i-obshchestvo/05072017-sovetnik-sarkosi-makron-mozhet-uluchshit-otnosheniya-s-rossiei/ (дата обращения: 16.08.2017).

это борьба с терроризмом, в частности, в Сирии, а также урегулирование украинского конфликта. Неконструктивная позиция по Сирии предшественника Э. Макрона, президента Ф. Олланда, была наиболее агрессивной по сравнению с позициями, занятыми руководителями других западных стран. Франция грозила тогда применить против Б. Асада военную силу, чтобы заставить его уйти с поста президента, даже в случае, если её не поддержат другие страны. В то же время, участие Франции в Сирии в операциях антитеррористической коалиции, возглавляемой США, было крайне ограниченным. За 2016 г. французские военные нанесли там всего 5% всех ударов по террористам, далеко отставая от США. Не сумев предложить никакой позитивной повестки для решения проблем Сирии, Франция постепенно утрачивала влияние на происходящие там события. Позиция нового французского президента в отношении Сирии претерпела заметные изменения. В первую очередь это касается признания Э. Макроном того факта, что уход Б. Асада не только не изменит обстановку в Сирии в лучшую сторону, но может породить хаос и осложнит борьбу с террористической группировкой ИГИЛ (запрещена в РФ). В своём первом интервью, которое он дал представителям восьми европейских газет, Э. Макрон сказал: «Не думаю, что отстранение Б. Асада от власти всё решит. Требуется борьба до победы над террористическими группами. И в этом мы должны объединиться все, с Россией – в том числе, ибо её присутствие очень важно»²⁷. Вместе с Э. Макроном неоднократно подчёркивал, что позиции Франции и России по Сирии далеко не во всём совпадают. Он открыто назвал президента Б. Асада врагом сирийского народа, очевидно подразумевая, что врагом сирийского народа является и Россия, поддерживающая законного сирийского президента. Помимо этого, Э. Макрон не исключил совместные с США удары по Сирии в случае, если сирийские правительственные войска применяют химическое оружие. И вероятно, что в будущем, когда дело дойдёт в Сирии до новых выборов, Франция предпримет максимум усилий, чтобы исключить победу на них представителей нынешней

²⁷ Макрон: С меня начнётся Ренессанс Франции и Возрождение Европы. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2291324.html> (дата обращения: 17.08.2017).

сирийской власти.

Что касается взаимодействия Франции и России в деле урегулирования украинского конфликта, то оно, несомненно, будет продолжаться, поскольку Франция включена в этот процесс как участник Минских соглашений и «нормандской четвёрки». Объявив в качестве приоритетных принципов при разрешении конфликтов «диалог, переговоры и мир»²⁸, Э. Макрон активно поддерживал переговоры по Украине, понимая, какую угрозу для безопасности Европы может представлять разрастание конфликта. Об этом свидетельствует его встреча с президентом Украины П. Порошенко и многочисленные контакты с А. Меркель, в т.ч. и по этой проблеме. Однако призывы лидеров Франции и Германии к украинским властям соблюдать Минские соглашения и поэтапный план выхода из кризиса, получивший название «формула Макрона» (в которой, по сути дела ничего нового предложено не было), остались словами. Российско-французский диалог по урегулированию украинского кризиса, несомненно, будет очень сложным и не только из-за того, что французский президент открыто назвал его виновником Россию, но и потому, что США не заинтересованы в его разрешении и готовы поставлять вооружённым силам Украины летальное оружие.

Разумеется, диалог России и Франции не будет ограничиваться только проблемами Сирии и Украины и в более широком плане – проблемами терроризма. Их сотрудничество возможно по таким вопросам, как реформирование ООН, которое уже давно назрело, нераспространение оружия массового уничтожения, контроль над прочими видами оружия, а при серьёзном обострении обстановки в мире и европейская безопасность. К сожалению, камнем преткновения на пути российско-французских отношений остаётся проблема прав человека. Уже во время первой встречи лидеров России и Франции Э. Макрон, защищая права членов ЛГБТ, резко высказался на тему их «нарушения» в нашей стране.

Более устойчиво развиваются российско-французские тор-

²⁸ Макрон впервые выступил с посланием к обеим палатам парламента Франции. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4384504> (дата обращения: 17.08.2017).

гово-экономические отношения. Несмотря на все трудности, испытываемые российской экономикой, ни одна из 500 французских компаний не ушла с российского рынка. В 2016 г. Франция стала лидером по прямым иностранным инвестициям в Россию, вложив в её экономику 2,018 млрд долл. Крупнейшими инвесторами являются такие фирмы, как «Ашан», «Рено», «Леруа Мерлен», «Санофи», «Шнейдер Электрик». Постоянно увеличивается экспорт российского газа во Францию. Если в 2013 г. он составил 8,6 млрд м³, а в 2016 г. – 11,5 млрд м³, то экспортные темпы 2017 г. уже выше прошлогодних на 8-10%, что позволяет надеяться на 12,5 млрд м³, превышая уровень досанкционного 2013 г. в полтора раза²⁹. Крупные проекты осуществляют в России такие фирмы, как «Альстом» и «Тоталь» (энергетика), «Пежо», «Рено» и «Ситроен» (автостроение), «Талез Элениа Спейс» и «Сафран» (аэрокосмическая отрасль), «Лафарж» и «Винси» (строительство), «Санофи» и «Сервье» (фармацевтика), «Данон» и «Бондюэль» (переработка сельхозсырья). Вместе с тем, компания «Российские железные дороги» приобрела 75% акций французской логистической компании GEFCO, а Новолипецкий металлургический комбинат является владельцем сталелитейного предприятия в Страсбурге. Судя по всему, в ближайшее время между Россией и Францией будет подписано чрезвычайно важное соглашение по совместному производству ядерного топлива по российской технологии. Учитывая, что во Франции почти 80% электроэнергии производится на АЭС, можно представить, какое значение это будет иметь для дальнейшего укрепления российско-французских экономических отношений³⁰. Россия, несомненно, может стать перспективным рынком и для французских товаров. Это прекрасно понимают французские деловые круги, которые выступают за нормализацию и расширение отношений с Россией, с чем не может не считаться нынешний президент Франции. Выступая в рамках Петербургско-

²⁹ MacroИзменения во внешней политике Франции. URL: <https://newsland.com/user/4297705048/content/macroizmeneniia-vo-vneshnei-politike-frantsii/5887700> (дата обращения: 18.08.2017).

³⁰ Франция и Россия. Бизнес, несмотря на санкции. URL: <http://rusoch.fr/politique/franciya-i-rossiya-biznes-nesmotrya-na-sankcii.html> (дата обращения: 16.08.2017).

го международного форума 2017 г., главный исполнительный директор «Сосьете Женераль» Ф. Удеа заявил: «Несмотря на санкции, мы смогли расширить и углубить наши отношения с крупными российскими компаниями и банками»³¹.

Во время первой встречи В. Путина и Э. Макрона речь шла не только о возможности укрепить политические и экономические отношения двух стран, но и об установлении более тесных контактов между представителями научных кругов, молодёжных организаций. Было решено создать российско-французский гражданский форум «Диалог Трианона». Потенциал для полноценного восстановления российско-французских отношений, несомненно, существует. Серьёзной основой для этого служит общая заинтересованность в дальнейшем развитии экономических отношений между двумя странами. Однако успех зависит от целого ряда внешних факторов, которые существуют ныне и могут возникнуть в будущем. В особенности это касается того, как будут складываться двусторонние отношения Франции с США, Германией, Евросоюзом. Следует также иметь в виду, что прагматизм Э. Макрона, его свобода от идеологических шор и, может быть, даже в какой-то мере неопытность в вопросах международной политики, делают его, по мнению многих экспертов (в том числе и российских), непредсказуемым на этом поле, не исключая и неожиданных поворотов в отношениях с Россией.

В 2013 г. Российский совет по международным делам сформулировал новую повестку дня развития российско-французских международных отношений, содержащую 20 серьёзных позитивных предложений. В последнем пункте этой программы предлагалось пригласить Россию на церемонию Дня взятия Бастилии 14 июля 2014 г. в Париже. Как известно, придя к власти, президент Э. Макрон пригласил на празднование 14 июля 2017 г. президента США Д. Трампа. Российский представитель – всемирно известный маэстро В. Гергиев, присутствовал там в качестве дирижёра оркестра, обеспечивавшего музыкальное сопровождение французского национального праздника. Можно

³¹ Как Владимир Путин «завербовал» президента Франции. Yurasumy. URL: <https://apral.ru/2017/06/07/kak-vladimir-putin-zaverboval-prezidenta-francii-yura-sumy.html> (дата обращения: 16.08.2017).

по-разному трактовать замысел склонного к театральным эффектам молодого французского президента. Однако такой расклад может оказаться не простой случайностью.

*В.П. Журавель**

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ И ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА ИЗБИРАТЕЛЕЙ ФРАНЦИИ

В последние полтора года Европа живёт в ожидании выборов и терактов, которые оказывают значительное влияние на их ход и, как видим, могут пошатнуть существующий расклад политических сил, способствовать пересмотру прежних политических ценностей на всём континенте.

Первый тур парламентских выборов во Франции дал картину действительного соотношения сил в Пятой республике. Так, по итогам первого тура партия Э. Макрона «Вперёд, Республика!» в союзе с демократами получила чуть более 28%, партия «Республиканцы» – 16%, «Национальный фронт» М. Ле Пен – 13%, левая партия «Несгибаемая Франция» Ж.-Л. Меланшона – 11%, социалисты – 10%.

Избирательная система во Франции, в отличие от многих европейских государств, строится в соответствии с мажоритарным принципом и предполагает два тура выборов. Так, если кандидат в своём избирательном округе не набрал более 50% в первом туре, тогда проводится второй тур, к которому допускаются только те кандидаты, кто получил в этом округе более 12,5% голосов. Система служит серьёзным препятствием для малых и оппозиционных партий при проведении своих кандидатов в парламент. К тому же, на этом этапе традиционные партии вступают во всякого рода предвыборные союзы, чтобы улучшить свои позиции и, главное, не пропустить оппозицию в Национальное собрание. Часть избирателей не пришла на выборы потому, что их кандидаты оказались вне игры. В результате второго тура голосования 28% голосов избирателей партии Макрона в союзе с

* Журавель Валерий Петрович, к.пед.н., в.н.с. Центра Северной Европы Института Европы РАН.

демократами, полученные в первом туре, превратились в 350 мандатов из 577 во втором туре, т.е. в абсолютное большинство, 16% республиканцев – в 113 мандатов, 11% партии Ж.-Л. Меланшона – в 17 мандатов, 13% партии М. Ле Пен – всего в 8 мандатов. Национальный фронт М. Ле Пен, впервые прошедший в парламент, не смог образовать фракцию, поскольку для этого необходимо иметь 15 мандатов. 10% голосов, полученных социалистами, превратились в 29 мандатов. Произошло коренное обновление депутатского корпуса (на 75%), многие опытные депутаты заменены политическими новичками. В результате соотношение сил в парламенте, по мнению руководителя Центра европейских исследований Российского института стратегических исследований Л. Воробьёвой, не передаёт соотношение сил в стране и не отражает всей полноты партийно-политических предпочтений избирателей³².

Профессор Санкт-Петербургского университета Р.В. Костюк назвал эти результаты «парламентской революцией», отметив, «что Макрону и его команде не стоит недооценивать левую оппозицию: она всё ещё располагает реальной социальной базой, способной организовать сопротивление социал-либеральным реформам»³³.

С другой стороны, слабые результаты социалистов и республиканцев объясняются негативным наследием деятельности Ф. Олланда, политическими скандалами вокруг Ф. Фийона. Следует отметить, что избирательный штаб Э. Макрона в ходе кампании расколол элиту, внёс сомнения в сознание рядовых членов традиционных партий. Президент назначил двух представителей республиканцев премьер-министром и министром экономики страны. Часть электората социалистов переметнулась в лагерь Э. Макрона, другая часть предпочла противоположное направление – левую партию Ж.-Л. Меланшона.

Широкая парламентская поддержка даёт социал-либералу Э. Макрону всю полноту власти и позволяет перейти к реализа-

³² См.: Воробьёва Л.М. Французские избиратели выдали Макрону беспрецедентный кредит доверия. <https://riss.ru/analitics/41679/> (дата обращения: 29.05.2017 г.).

³³ См.: Костюк Р.В. «Парламентская революция» во Франции. Санкт-Петербургские ведомости. 04.07.2017.

ции заявленных реформ внутри страны. Первой реформой станет либерализация рынка труда (реформирование национально-го КЗОТ, облегчение прав работодателей при найме и увольнении сотрудников) и упрощение пенсионной системы³⁴. Не исключено, что на этом направлении он столкнётся с сопротивлением в левом политическом лагере, с профсоюзами, а может быть и с формированием внепарламентской оппозиции.

Президент Э. Макрон намерен реформировать экономику Франции, в которой за предыдущие годы накопилось много проблем. Среди них – безработица, особенно среди молодёжи, слабый рост ВВП, замедление объёмов и уменьшение географии внешней торговли, проблемы в области энергетики.

В борьбе за лидерство на европейском континенте он попытается внести свою лепту в решение проблем Украины, Сирии и самое важное – потеснить Германию. Однако А. Меркель, согласно её собственным словам, не видит необходимости менять свою политику, особенно экономическую. По мнению экспертов, на открытый конфликт она с ним не пойдёт ввиду его значительной популярности в Европе, а также в связи с поддержкой его программных взглядов частью немецких социал-демократов. Канцлер ФРГ постарается вывести пока ещё неопытного политика Э. Макрона на путь реальных проблем в европейском сообществе, как это было с предыдущими президентами Франции.

На наш взгляд, есть большие сомнения в отношении тезиса о том, что Э. Макрон – «человек нового европейского возрождения». Это надо заслужить, надо много работать, не совершать ошибок, умело строить внешнюю политику и быть инициатором инновационных предложений по нормализации обстановки в Евросоюзе и установления конструктивного сотрудничества с Россией.

³⁴ Впервые пенсионное обеспечение было введено для офицеров военно-морского флота во Франции в 1673 г. В период Великой французской революции (1790 г.) был принят закон о пенсиях для гражданских государственных служащих, отслуживших 30 лет и достигших 50-летнего возраста. Массовое и универсальное пенсионное обеспечение впервые появилось в Германии в 1889 г., в Дании – в 1891 г., в Великобритании – в 1908 г., во Франции – в 1910 г. Оно подразумевало увязку размеров пенсий с размерами страховых взносов и зарплаты застрахованных работников, обязательное пенсионное страхование работников наёмного труда по старости, инвалидности и потере кормильца.

Немаловажным, если не решающим, фактором в поведении избирателей у урн для голосования во Франции, стало обеспечение безопасности в стране, в т.ч. нейтрализация двух наиболее заметных угроз: неконтролируемой миграции и терроризма.

Так, мигранты в своём большинстве не желают ассимилироваться с местным населением и воспринимать установившиеся вековые национальные традиции. Более того, выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, севера Африки агрессивно навязывают свои представления об общественном устройстве, не желая быть ни законопослушными, ни трудолюбивыми гражданами.

По оценке президента Европейской академии безопасности и конфликтологии (Словакия) профессора И. Бондаренко, неконтролируемое прибытие иммигрантов, среди которых немало лиц, имеющих боевой опыт, существенно повысило угрозу терактов со стороны исламистов³⁵. Приезжают и французы. Так, по словам министра внутренних дел Франции Б. Казнёва на ноябрь 2015 г. в составе отрядов моджахедов в Сирии и Ираке находилось 571 гражданин Франции, из них 197 – женщины и 85 – несовершеннолетние, среди которых 51 девушка³⁶. Их возвращение создавало угрозу безопасности государства.

Крупномасштабные теракты в Париже в январе и ноябре 2015 г. и в Ницце в июле 2016 г. в условиях чрезвычайного положения в стране показали странную беспомощность французских спецслужб перед нарастающей угрозой роста терроризма³⁷. Как показывает анализ, практически все террористы, которые совершили громкие преступления, ранее попадали в руки правоохранительных органов. Более того, многих из них при-

³⁵ Фролов А. В ожидании выборов и... терактов. Красная звезда, 12.03.2017. <http://www.redstar.ru/index.php/kozak/item/32501-v-ozhidanii-vyborov-i-teraktov> [http](http://www.redstar.ru/index.php/kozak/item/32501-v-ozhidanii-vyborov-i-teraktov) (дата обращения: 29.06.2017 г.).

³⁶ См.: Сообщение ТАСС от 12 ноября 2015 г. (дата обращения: 30.11.2015 г.).

³⁷ Во Французской Республике борьбой с терроризмом занимаются Разведывательное Сообщество Франции (Communauté française de renseignement), Генеральный Директорат внешней безопасности (Direction générale de la Sécurité extérieure, DGSE), Национальный Совет по разведке (Conseil national du renseignement, CNR), а также французская жандармерия. См.: Смирнова О., Помазан А. Французский опыт противодействия терроризму. Вестник Нижегородского Университета им. Лобачевского. 2010. №1. С. 270.

влекали по статьям, которые должны были привести к длительному сроку заключения. Однако они вскоре оказывались на свободе. Та систематичность, с которой спецслужбы упускают из вида опасных экстремистов незадолго до совершения ими терактов, не устанавливает должного наблюдения за ними, вызывает правомерные подозрения и критические оценки со стороны граждан страны.

Вокруг больших городов нередко возникают анклавные территории для беженцев и мигрантов, что создаёт значительные неудобства для коренных жителей и сильно затрудняет борьбу правоохранителей с терроризмом. В этих поселениях обитают сотни исламских радикалов, которые помогают террористам скрываться от правоохранительных органов. Они снабжают их деньгами, оружием, автомобилями, средствами связи, затрудняют расследования³⁸.

В 2015–2017 гг. французы убедились в неспособности своего руководства системно построить эффективную систему борьбы с терроризмом внутри страны, организовав жёсткий контроль за теми, кто возвращается во Францию после так называемого джихада. Не отмечено особых успехов в борьбе с террористами и в Сирии. Всё это, на наш взгляд, также могло оказать влияние на итоги прошедших выборов.

Вновь избранный Президент Франции Э. Макрон на встрече в Париже с Президентом России В. Путиным 29 мая 2017 г. заявил о готовности объединить усилия России и Франции в борьбе с угрозой международного терроризма. В его планах ликвидация «подрывных» контентов в мире Интернета, укрепление межгосударственной кооперации в деле противостояния этому мировому злу.

³⁸ См.: Луппов И.Ф. Терроризм XXI века: угрозы и вызовы европейской стабильности. Евразийский юридический журнал. 2015. №5. С. 64-67; Манойло А.В. Европейский Союз перед угрозой новой волны террористических актов и цветных революций (в соавт.). Вестник Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. №3. С. 55-62; Назаров В.П. Трансформация международного терроризма. Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1. С. 113-128; Яшлавский А.Э. Джихадисты из Европы на Ближнем Востоке: скрытая и явная угроза. Мировая экономика и международные отношения. 2015. №10. С. 18-29.

Вслед за ним лидер Национального фронта М. Ле Пен 4 июня предложила руководству страны организовать совместно с Россией, США, Великобританией и Германией переговоры по борьбе с терроризмом.

6 июля 2017 г. депутаты Европарламента проголосовали за учреждение специальной комиссии по вопросам борьбы с терроризмом. В этот же день Президент РФ В. Путин поручил МИД РФ подписать дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, а депутаты Национального собрания Франции одобрили законопроект о продлении чрезвычайного положения в стране до 1 ноября 2017 г. Несомненно, всем странам необходимо сотрудничать между собой для совместного снижения общемирового уровня террористической угрозы, но при этом избегать двойных стандартов в её оценке, быть последовательными и настойчивыми в достижении поставленных целей.

*А.В. Авилова**

ПОДДЕРЖКА Э. МАКРОНА В СТРАНАХ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

Позитивно настроенная к ЕС общественность стран Южной Европы встретила приход Э. Макрона к власти с энтузиазмом, расценив его как стратегически новую ситуацию – возможность «исторического поворота». Всплеск ожиданий вызван тем, что в политической программе и первых выступлениях французского лидера прозвучали те же идеи и призывы, которые в течение уже нескольких лет составляют главный нерв общественной жизни в этих странах – остро негативная оценка политики «жесткой экономии» и её социальных последствий, обличение отхода от принципов солидарности и сплочения, изначально заложенных в европейском интеграционном проекте. Italianские СМИ в репортажах о первых выступлениях Э. Макрона выносили на ведущие полосы такие заголовки, как: «Или реформа

* Авилова Агнесса Викторовна, к.э.н., в.н.с. НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ЕС, или риск Фрекзита», «Плохое функционирование ЕС больше не терпимо», «Мой мандат ставит целью глубокую реформу европейского проекта»³⁹.

Особый отклик получила главная идея интервью, которое дал Э. Макрон восьми органам европейской печати 17 июня, – о пагубности диспропорций, сложившихся в Еврозоне вследствие доминирующего положения Германии и растущего отставания стран южной периферии. «Сила одних не должна питаться слабостью других», – чётко сформулировал Э. Макрон⁴⁰, призвав к «восстановлению связности Европы». Итальянские лидеры, начиная с М. Монти, постоянно указывали на растущую волну еврофобии, поднимающуюся в стране как реакция на прогерманский экономический курс Брюсселя, который в конце концов стоил М. Ренци поста премьер-министра.

Серьёзность дивергенции, ставящей под вопрос дальнейшее существование Еврозоны, живо ощущается на её южном фланге. Так, португальская газета «Публико» в преддверии празднования 60-летней годовщины ЕС писала о невозможности для Португалии присоединиться к юбилейной Декларации, если в неё не будет включена идея реформирования Еврозоны: без укрепления доверия к единой валюте размежевание ЭВС рано или поздно приведёт к новому кризису, который приблизит его закат⁴¹.

Расширение властных полномочий Э. Макрона, достигнутое благодаря его внушительной победе на парламентских выборах, также произвело большое впечатление. Испанская газета «Эль Паис» окрестила его «Макроном Первым Французским», хотя и отметила наличие не только сильных сторон его позиции («антирамппизм»), начинающееся экономическое оживление в Евро-

³⁹ Macron: riforma UE o rischio Frexit. URL: <http://www.firstonline.info/news/2017/05/02/macron-riforma-ue-o-rischio-frexit/MTFfMjAxNyOWNSOWM19GTOw> (дата обращения: 16.08.2017).

⁴⁰ Montefiori S. Macron: «L'Europa e' un destino comune, non un supermercato». URL: http://www.corriere.it/esteri/17_giugno_21/macron-la-mia-francia-sara-l-inizio-una-rinascita-europea-domani-corriere-l-intrvsta-integrale-676d7c58-5694 (дата обращения: 16.08.2017).

⁴¹ De Sousa T. Portugal nao aceita uma Declaracao de Roma sem reforma da zona euro. URL: <https://www.publico.pt/2017/02/24/mundo/noticia/portugal-nao-aceita-uma-declaracao-de-roma-que-nao-inclua-a-reforma-da-zona-euro-1763132>.

пе, стремление Франции выйти из состояния иммобилизма), но и слабых (экономические трудности Франции, Европы и Запада в целом, внутреннее сопротивление структурным реформам)⁴².

Деловые круги Италии анализируют суть главных реформаторских предложений Э. Макрона, связанных с введением поста европейского министра финансов и переходом к общему бюджету, поставленному под контроль Европарламента. Речь идёт о существенном пересмотре соглашений, на которых основано функционирование ЭВС. Главная трудность на этом пути – согласование экономических доктрин Франции и Германии. Германия, фактический лидер Еврозоны, утвердила в её рамках экономический курс, основанный на принципах ордолиберализма: неукоснительное соблюдение бюджетного равновесия, поддержание стабильности цен, решение проблемы безработицы с помощью гибкости заработной платы. Требование к странам-партнерам соблюдать эти принципы Германия до сих пор рассматривала как залог устойчивости Еврозоны, хотя на практике именно этот курс, вследствие различий в конкурентоспособности между странами ЭВС, служит причиной углубляющейся в нём дивергенции. Немецкое понимание возможных перемен сводится к идее создать Европейский валютный фонд как блюстителя бюджетной дисциплины и продолжения структурных реформ, то есть к сохранению основ нынешней экономической политики при большей централизации финансового контроля. Франция же выступает за более мягкий, кейнсиански окрашенный курс и менее технократический стиль принятия бюджетных решений, с неизбежными системными послаблениями для стран Южной Европы (на которые, стоит отметить, приходится 57% населения Еврозоны против 30%, приходящихся на Германию и её идейных союзников Нидерланды и Финляндию)⁴³.

Компромисс будет найти нелегко, но первые осторожные шаги уже сделаны: на встрече двух национальных лидеров 15

⁴² Yarnos C. Todo el poder para Macron I de Francia. URL: https://elpais.com/internacional/2017/06/18/actualidad/1497818282_607623.html (дата обращения: 16.07.2017).

⁴³ Destais Ch. Le paradigme macroeconomique allemande et la reforme de la zone Euro. URL: <http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommuniqu=516> (дата обращения: 16.07.2017).

мая оба согласились, что надо укреплять Еврозону. Э. Макрон подчёркивал, что речь не идёт об «обобществлении долгов» (самый чувствительный вопрос для Германии), а А. Меркель заявила о готовности изменить европейские договоры, «если в этом будет смысл». Германия пока не отступает от своих принципов, но и не исключает компромисс: «Можно подумать о чём-то вроде европейского правительства, которое использовало бы имеющиеся лучшие практики», «можно подумать об общем министре финансов, если условия позволят» и «о бюджете Еврозоны, если структуры укрепятся и будут делаться разумные вещи»⁴⁴. В формулировке экс-премьера Италии Э. Летта проблема различного понимания дальнейшего пути европейской интеграции заключается в том, что Германия соглашается на разделение суверенитета, но не риска, а Франция – на разделение риска, но не суверенитета.

Макроэкономическая асимметрия, сложившаяся в рамках Еврозоны, невыгодна самой Германии, поскольку грозящий ЭВС распад причинил бы экономике страны-лидера серьёзный ущерб. Германия нуждается во Франции как главном партнёре, без которого реформа Еврозоны не может быть осуществлена. С позиций же Южной Европы ситуация видится как дошедшая до предела, за которым вырисовываются только два варианта: либо переход к углублённой бюджетной интеграции на новых началах (что и предлагает Э. Макрон), либо распад Еврозоны с непредсказуемыми последствиями.

Деловая пресса Италии далека от иллюзий. Газета «Иль Соле 24 Оре» в передовой статье пишет: «Захромавший союз, родившийся 25 лет назад, и кризис, начавшийся в 2008 г., вывели на поверхность столько экономических расхождений, финансовых диспропорций, конфликтных интересов и взаимного недоверия, что поиски новой доктрины и разделяемых всеми высокими целей сильно осложнены»⁴⁵. Тем не менее, предпринятый Э. Макроном решительный шаг ощущается как политически не-

⁴⁴ Merkel, bene riforme eurozona concordate con Macron. URL: <http://www.ansa.it/europa/notizie/rubriche/altrenews/2017/06/20/merkel-bene-riforme> (дата обращения: 16.07.2017).

⁴⁵ Cerretelli A. L'Italia e i baratti franco-tedeschi. Il Sole 24 Ore, 12.07.2017.

обратимый. Изменение европейских договоров было для Франции табу, говорит Макрон, «но для меня так уже не будет»⁴⁶. Программное выступление французского лидера, на время сбившее волну евроскептического популизма в Южной Европе, рассматривают здесь как ключевой момент в развитии ситуации и важнейшую предпосылку желаемого многими перезапуска европейского проекта.

*П.П. Яковлев**

ФРАНЦИЯ Э. МАКРОНА: УРОКИ ИСПАНСКОГО

Победа Э. Макрона на президентских выборах вызвала бурную реакцию в странах Европейского союза, в частности, в Испании. В ряду главных причин повышенного интереса в испанских правящих кругах и СМИ к избирательной кампании и её результатам во Франции можно отметить следующее:

➤ с приходом к власти молодого, энергичного лидера, декларирующего приверженность идеям европеизма, испанский истеблишмент связывает надежды укрепить политические позиции еврооптимистов и консолидировать ведущие государства Евросоюза перед лицом нарастающих континентальных и глобальных вызовов;

➤ в Испании рассчитывают, что заявленные Э. Макроном и его правительством экономические реформы обеспечат «глубокую трансформацию» производственных структур и национальных институтов, придадут импульс хозяйственному росту Франции и ускорят преодоление европейскими странами последствий кризиса и рецессии, оживят инвестиционные и торговые отношения в зоне евро, поддержав тем самым рост испанской экономики⁴⁷.

Исходя из такого рода представлений и оценок, испанское

⁴⁶ Primo incontro Macron – Merkel: apertura su riforma dei trattati UE. URL: <http://www.rds.it/rds-tv/video-news/primo-incontro-macron-merkel-apertura-su-riforma-dei-trattati-ue/> (дата обращения: 17.06.2017).

* Яковлев Пётр Павлович, д.э.н., профессор, в.н.с., руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

⁴⁷ Transformar Francia. El País. Madrid, 05.07.2017.

правительство во главе с М. Рахоем неоднократно демонстрировало свою расположенность тесно взаимодействовать с новым французским руководством на европейском и мировом треках. В то же время это сотрудничество не исключает расхождения во взглядах на конкретные социально-экономические и политические проблемы, хотя в настоящее время отчётливо просматривается стремление отодвинуть имеющиеся (и неизбежные) разногласия на задний план и сконцентрировать внимание на тех вопросах, решение которых укрепляет позиции Евросоюза.

* * *

Характеризуя текущую международную и европейскую ситуацию, испанские СМИ подчёркивают, что Э. Макрон пришёл к власти в период, когда «институты Евросоюза проходят проверку на прочность». В этой связи орган деловых кругов газета «Cinco Días» приводит слова самого французского президента, который заметил, что «центробежные тренды никогда не были столь сильными» и поставил перед своим правительством нелёгкую задачу поместить Францию в центр европейской дипломатической игры⁴⁸.

Конкретизируя вызовы, стоящие перед странами-членами Европейского союза, испанское политическое руководство в первую очередь указывает на Брекзит и угрозу дезинтеграции ЕС. Испания (при всех издержках и трудностях) извлекла серьёзные выгоды из своего участия в европейской интеграции и кровно заинтересована в продолжении объединительных процессов. Под ударами глобального кризиса 2008–2009 гг. испанский политический класс провёл серию структурных реформ (рынка труда, банковского сектора, системы государственных финансов и др.), что позволило в значительной мере преодолеть кризисные явления и выйти на траекторию экономического роста. Однако в Мадриде хорошо понимают, что дальнейший прогресс страны в решающей степени зависит от состояния дел в государствах-партнёрах по Евросоюзу (главных торгово-экономических и финансовых контрагентов Испании). И в этом смысле Франция, без преувеличения, занимает выдающееся место

⁴⁸ De Miguel B. El G20 se hunde en la misma vía de parálisis que OMC. Cinco Días. Madrid, 10.07.2017.

– на её долю приходится порядка 13% совокупного испанского внешнеторгового оборота. Причём, торговля с Францией сводится для Испании с крупным положительным сальдо (см. таблицу).

Таблица

Торговля Испании с Францией (товары, в млрд евро)

Показатель	2014	2015	2016
Экспорт	37,6	38,7	38,5
Импорт	29,0	29,8	30,4
Объем товарооборота	66,6	68,5	68,9
Весь товарооборот Испании	503,7	525,6	528,0
Доля Франции (%)	13,2	13,0	13,1

Источник: Trade statistics for international business development. URL: <http://www.trademap.org/>

Ещё один важный фактор развития европейских стран связан, по мнению испанского руководства, с внешней средой. В первую очередь, с теми геополитическими и геоэкономическими изменениями, которые обозначила победа Д. Трампа на президентских выборах в США. Поддержка Вашингтоном Брекзита, требования к европейским союзникам по НАТО наращивать военные бюджеты (в ущерб критически важным для Мадрида социально-экономическим расходам), курс на протекционизм, резкая критика глобализма и торговой политики Евросоюза вызвали в Испании крайнее недовольство и глубокую озабоченность. В полный рост встала задача единства ключевых европейских государств с целью «сдерживать» Д. Трампа и сохранить евроатлантическую солидарность.

В надежде обрести сильного европейского лидера, способного (совместно с канцлером А. Меркель) консолидировать лагерь еврооптимистов, испанский политический и деловой истеблишмент обратил свой взор на «феномен Макрона». На испанцев произвело неизгладимое впечатление то обстоятельство, что мало чем примечательный 39-летний бюрократ-метросексуал легко обошёл всех соперников по президентской гонке, в считанные месяцы добился беспрецедентного обновления состава Национального собрания и превратился в харизматического лидера Франции с явной претензией занять место главного охра-

нителя европейских ценностей и реформатора Евросоюза⁴⁹.

Анализ многочисленных высказываний испанских политиков и бизнесменов, а также материалов прессы показывает, что Мадрид ждёт от нового хозяина Елисейского дворца решения трёх взаимосвязанных задач. Во-первых, администрация Э. Макрона должна остановить деградацию французской экономики и развязать самый тугой социальный узел – сократить безработицу, радикально изменив трудовое законодательство. «Успех проекта Макрона, – отмечалось в редакционной статье ведущей испанской газеты «El País» – определит разумное сочетание духовного возрождения французской нации и экономических реформ»⁵⁰. Примечательно, что многие аналитики считают полезным для Парижа использовать испанский опыт структурных реформ, благодаря которым возросла гибкость рынка рабочей силы, повысилась производительность труда, ускорился рост ВВП, ощутимо увеличился товарный экспорт (в 2010–2016 гг. – на 37,3%, тогда как у Франции – на 14,6%)⁵¹.

Во-вторых, в усилении Парижа Мадрид видит шанс хотя бы немного сбалансировать доминирующее влияние Берлина в ЕС, которое особенно возросло после решения Лондона выйти из объединённой Европы. Чтобы укрепить собственные позиции, испанскому истеблишменту важно обеспечить транзит от нынешней сравнительно жёсткой германоцентричной макроэкономической парадигмы в сторону альтернативной модели развития Евросоюза, предполагающей более весомую роль в принятии решений ряда крупных европейских стран: Италии, Испании, Польши. Как считают в испанских коридорах власти, Э. Макрон способен стать выразителем и проводником в жизнь коллективных интересов этой группы государств. Вместе с тем, не исключён и вариант создания в рамках ЕС новой версии германо-французского «двоевластия» («Меркрон» вместо «Меркози»), что не может не беспокоить правительство М. Рахоя⁵².

⁴⁹ Gabilondo I. Nostalgia de autoridad. El País, 05.07.2017.

⁵⁰ Transformar Francia. El País, 5.07.2017.

⁵¹ Trade statistics for international business development. URL: <http://www.trade-map.org/> (дата обращения: 17.06.2017).

⁵² De Miguel B. Macron y Merkel lanzan un proyecto conjunto de cazabombarderos. Cinco Días, 14.07.2017.

В-третьих, в Мадриде считают молодого французского президента твёрдым сторонником продолжения глобализации, лидером, последовательно отстаивающим принципы экономического либерализма, свободной торговли и беспрепятственного трансграничного перемещения капиталов и рабочей силы. Испанским политикам вышедший из финансовых кругов глобалист Макрон видится в качестве своего рода антитезы Д. Трампу, взявшему курс на переформатирование глобализации по лекалам протекционизма⁵³. Они надеются, что во главе с французским и немецким руководителями (и при поддержке наиболее крупных и влиятельных европейских государств) Евросоюз сможет перейти в дипломатическое контрнаступление. В данном контексте в Испании с удовлетворением отмечали, что в результате переговоров американского президента с Э. Макроном, А. Меркель и другими европейскими лидерами (в частности, на саммите «Большой двадцатки» в Гамбурге) негативная позиция хозяина Белого дома в отношении объединённой Европы стала смягчаться, а откровенная поддержка Брекзита – несколько снизилась. «Трамп терпит поражение», – с удовлетворением отмечала испанская пресса⁵⁴.

Разумеется, ещё рано говорить о каких-то существенных изменениях в соотношении сил в рамках евроатлантического партнёрства. США были и остаются главной опорой НАТО и всего коллективного Запада. Тем не менее, активная (и солидарная) дипломатическая деятельность ведущих европейских стран, их твёрдая позиция по ключевым торгово-экономическим вопросам способны несколько изменить смысловую наполненность диалога между Вашингтоном и Брюсселем в сторону большего учёта европейских интересов. В Испании и ряде других стран континента ожидают, что новое французское руководство будет последовательно проводить международную политику, нацеленную на продолжение европейской интеграции.

* * *

Оценивая результаты первых месяцев президентства Э. Мак-

⁵³ Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М., «РУСАЙНС», 2017.

⁵⁴ Vidal-Folch J. Trump muerde el polvo. El País, 17.07.2017.

рона, испанские политики и эксперты отдают должное энергии и целеустремленности молодого французского лидера, но видят и чрезвычайные сложности на пути от политической революции, совершённой президентом, к заявленным структурным социально-экономическим реформам. Об этом свидетельствует и собственный противоречивый испанский опыт реформ. Наряду с определёнными позитивными подвижками в сфере экономики и внешней торговли, Испания в последние годы пережила острый политический кризис, до конца не преодоленный по сей день. Под угрозой оказались не только позиции правящей партии и её лидера – М. Рахоя, но и территориальная целостность испанского государства. Это – тоже урок и предупреждение для Э. Макрона.

*С.М. Фёдоров**

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЫБОРЫ 2017 г.: ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Любые президентские, да и парламентские выборы в Пятой республике имели свою специфику, порой весьма существенную, связанную как с персоналиями, так и с раскладом политических сил, социально-экономической обстановкой, накалом политических страстей. В этом плане электоральный цикл 2017 г. не стал исключением. Более того, есть все основания охарактеризовать его не только в качестве нерядового, но, пожалуй, и экстраординарного события по своим политическим последствиям, как, впрочем, и содержанию.

Действительно, по количеству установленных «рекордов» французские выборы 2017 г., наверное, не имеют себе равных в современной политической истории страны. Слово «впервые» приходится наиболее часто использовать для их характеристики:

– впервые действующий президент не баллотировался на второй срок;

* Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

– впервые выборы проходили в условиях чрезвычайного положения, объявленного в стране после террористических атак;

– впервые в двух системообразующих партиях проходили праймериз, которые принесли неожиданные результаты: победили явные не-фавориты – Ф. Фийон у «Республиканцев» и Б. Амон у социалистов;

– впервые *четыре* главных кандидата накануне первого тура имели примерно равные рейтинги – в районе 20% с разрывом в 3-4% пункта (раньше обычно *двойка* лидеров имела весомые преимущества);

– впервые представители системообразующих партий не прошли во второй тур;

– впервые лидер «нерукопожатного» в недалёком прошлом «Национального фронта», М. Ле Пен, получила во втором туре 34% голосов (т.е. более 10 млн из 47 млн избирателей);

– наконец, впервые главой государства стал самый молодой политик за всю историю Пятой республики, не имеющий солидного политического опыта.

Парламентские выборы продолжили череду «рекордов» и «антирекордов»:

– рекордно низкая явка избирателей как в первом, так и, особенно, во втором туре – всего 48%;

– смена $\frac{3}{4}$ депутатского корпуса нижней палаты парламента;

– впервые абсолютное большинство мест (вместе с союзниками из партии «МоДем» Ф. Байру) завоевала новая партия «Вперёд, Республика!», образованная за месяц до выборов на базе движения, которое было создано также менее года назад;

– впервые в условиях голосования по мажоритарной системе в два тура крайне правым «нацфронтистам» удалось получить 8 депутатских мандатов.

Список установленных «политических рекордов» можно было бы продолжить, но даже перечень уже упомянутых вполне достаточен, чтобы поставить ряд вопросов: можно ли прошедшие выборы приравнять к своеобразной «мини-революции» в партийно-политической системе Франции? Каковы её последствия? Случайны или закономерны произошедшие масштабные

перемены? Что в них общего и особенного в сравнении с процессами в соседних европейских странах?

* * *

Рассуждая о президентской кампании 2017 г., нельзя не отметить влияние на неё эффекта Трампа и Брекзита: многие аналитики и политологи, да и некоторые участники, искренне поверили в то, что «невозможное возможно». Вероятно, по этой же причине в отечественных СМИ главную интригу французских выборов свели к гаданиям на предмет успеха на них Марин Ле Пен, хотя серьёзные аналитики изначально говорили о невозможности победы лидера крайних правых.

На самом деле ключевым, поворотным моментом президентской гонки, определившим её исход, стала дискредитация в результате серии финансовых скандалов Ф. Фийона, которому, казалось, дорога в Елисейский дворец была открыта. Трудно поверить, что компромат на Ф. Фийона появился случайно — уж слишком к месту, спланировано всё было сделано. О многом говорит и сам момент появления первой партии компромата — буквально на следующий день после объявления результатов второго тура праймериз социалистов, в котором победу одержал заранее «непроходной» Б. Амон. Расчёт авторов компромата оказался верным, но, вероятно, косвенные, очень серьёзные последствия такого манёвра не были просчитаны.

Во-первых, как минимум треть избирателей, голосующих за правых, фактически лишилась выбора. Этим объясняется в частности низкая для президентских выборов явка и большое количество пустых бюллетеней — красноречивый показатель протестного голосования.

Во-вторых, удар по Ф. Фийону создал в значительной мере искусственное преимущество Э. Макрону, который в начале кампании вряд ли вообще рассчитывал выйти в финал, мечтая в лучшем случае о почётном третьем месте.

В-третьих, — и это самое важное — неожиданная победа лидера движения «Вперёд!», образованного всего лишь год назад, стала началом коренной перестройки всей партийно-политической системы Франции.

Правда, такой эффект от избрания Э. Макрона проявился не

сразу, ведь вначале казалось, что итог президентских выборов был в значительной мере обусловлен случайностью, хоть и подготовленной, стечением обстоятельств. Честно говоря, немногие верили, что сторонники президента Э. Макрона сумеют развить его успех на предстоявших в июне выборах в Национальное собрание. Однако результаты парламентских выборов доказали, что феномен Э. Макрона – не случайное явление, а скорее закономерность, отражающая глубинные политические процессы во французском обществе.

К этому следует добавить, что успеху на парламентских выборах в немалой степени способствовали первые политические решения президента Э. Макрона, в частности создание коалиционного правительства во главе со своим политическим оппонентом – «республиканцем» Э. Филиппом, представителями гражданского общества и бывшими социалистами, перешедшими под знамёна движения «Вперёд!». Нестандартный политический манёвр нового президента спровоцировал дезорганизацию и фактически раскол двух системообразующих партий – «Республиканцев» и социалистов. Надежды «Республиканцев» взять реванш за поражение на президентских выборах и получить контроль над законодательной властью не оправдались.

Правда, стоит заметить, что вряд ли отмеченные выше метаморфозы могли за короткое время случиться со здоровыми политическими формированиями. Вероятно, избрание Э. Макрона и его первые кадровые решения лишь усилили кризисные процессы в двух крупнейших политических партиях страны, которые давно назревали. Этим можно объяснить и появление феномена т.н. «дегажизма» (от французского глагола *dégager* – уходи, убирайся) – недоверия к старым политическим элитам, ярко проявившегося в ходе двух выборов.

Сложившейся ситуацией очень умело и талантливо воспользовался Э. Макрон и его команда, получившие на руки все козыри для проведения в жизнь намеченных реформ.

* * *

Таким образом, прошедший электоральный цикл и его итоги спровоцировали ускорение модернизации партийно-политической системы Франции, её существенное переформатирова-

ние, хотя некоторые качественные характеристики этой системы остались неизменными (например, сильная поляризация политических сил – за крайне правых и левых в ходе президентских выборов голосовало более 40% избирателей). Остался неизменным и один из главных факторов, влияющих на происходящие перемены, – кризис традиционных идеологий.

Говорить о «мини-революции» не приходится, однако очевидно, что практически все главные политические формирования в ближайшее время претерпят большие изменения. Так, пока неясно, сможет ли вообще сохраниться Соцпартия после провального пятилетнего правления Ф. Олланда, раздираемая между «макронистами» и левым крылом, близким к «меланшоновцам». Не менее сложна ситуация в стане «Республиканцев»: практически всё её бывшее руководство так или иначе дискредитировано, новых ярких лидеров не заметно, нет единства в парламентской фракции правоцентристов. Снижение популярности М. Ле Пен, явно переоценившей свои возможности и выбравшей неудачную тактику в ходе второго тура президентских выборов, поставило на повестку дня обновление политической стратегии крайне правых. Вероятно, Ж.-Л. Меланшон на волне успеха попытается продолжить консолидацию крайне левых политических сил под своими знамёнами.

Пожалуй, наиболее любопытной с точки зрения политического будущего представляется судьба макроновского движения «Вперёд!», преобразованного в политическую партию «Вперёд, Республика!». Понятно, что многое, если не всё, будет зависеть от успеха нового президента и правительства Э. Филиппа. Тем не менее, само появление и популярность нового политического формирования, де-факто ставшего самой многочисленной партией в стране в течение одного года, опровергает распространённое мнение о том, что центризм во Франции не приживается и чужд французской политической культуре. На поверку оказалось, что он ей вовсе не чужд, а создание во Франции нечто подобного германской «большой коалиции» вполне возможно.

Конечно, пока преждевременно говорить, насколько отмеченные тенденции станут долговременными и какова будет новая конфигурация французской партийно-политической систе-

мы. Станет ли она трёхпартийной или четырёхпартийной? Вероятно, предполагаемое частичное введение пропорциональной системы голосования в будущем закрепит происходящие изменения.

Некоторые политологи проводят параллели с недавней партийно-политической динамикой Испании и особенно Италии, где, как известно, ушли со сцены в недалёком прошлом самые мощные политические силы – коммунисты и христианские демократы. Партию Э. Макрона сравнивают с «Форца Италия» Берлускони, а Ж.-Л. Меланшона с Б. Грилло, «Национальный фронт» с «Лигой Севера»⁵⁵. Правда, подобные параллели, с нашей точки зрения, не совсем корректны с учётом явного доминирования властных полномочий президента в политическом устройстве Пятой республики.

Доля уверенности в том, что перемены не станут эфемерными, тем не менее, имеется, несмотря на быстро снизившийся к осени 2017 г. уровень поддержки президента Э. Макрона и правительства Э. Филиппа. Президент имеет прочное большинство в парламенте. Его поддерживает весомая часть политического истеблишмента страны. В целом за первые сто дней своего президентства Э. Макрон не сделал крупных политических ошибок, хотя без «промахов» не обошлось. Болезненная реформа трудового законодательства, проведение которой намечено на осень 2017 г., вероятно, станет серьёзным тестом на прочность курса президента Э. Макрона и его команды. Одновременно это позволит более уверенно спрогнозировать дальнейший ход модернизации партийно-политической системы Франции.

Результаты первого тура президентских выборов
во Франции 23 апреля 2017 г.

Кандидат	Партия	Результат	Результат в %
Эмманюэль Макрон	Вперёд!	8 657 326	24,01%
Марин Ле Пен	Национальный Фронт	7 679 493	21,30%
Франсуа Фийон	Республиканцы	7 213 797	20,01%
Жан-Люк Меланшон	Непокорённая Франция	7 060 885	19,58%
Бенуа Амон	Социалистическая партия	2 291 565	6,36%
Николя Дюпон-Эньян	Вставай, Франция	1 695 186	4,70%

⁵⁵ Thérard Y. Les roses sont fanées. Le Figaro, 25.06.2017.

Жан Лассаль	Будем сопротивляться	435 365	1,21%
Филипп Путу	Новая антикапиталистическая партия	394 582	1,09%
Франсуа Асселино	Народный республиканский союз	332 558	0,92%
Натали Арто	Рабочая борьба	232 428	0,64%
Жак Шеминад	Солидарность и прогресс	65 598	0,18%
Всего избирателей		47 581 118	100,0%
Не голосовало		10 577 572	22,23%
Голосовало		37 003 546	77,77%
Пустые		659 302	1,78%
Недействительные		285 431	0,77%
Итоговое число голосов		36 058 813	97,45%

Источники: Конституционный Совет, Министерство Внутренних Дел.

*Ю.И. Рубинский**

ФРАНЦИЯ НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

Президентские и парламентские выборы 2017 г. во Франции не только завершили очередной электоральный цикл и открыли новый. Нестандартный ход предвыборных кампаний и их результаты говорят о существенных изменениях всей партийной системы Пятой республики, правил игры и состава её политического класса.

Обе прежние системообразующие партии – республиканцы и социалисты, сменяя друг друга у власти на протяжении последних десятилетий, потерпели сокрушительное поражение, которое ставит под вопрос их будущее. Президентом республики стал в 39 лет Эмманюэль Макрон – самый молодой глава государства в истории Франции после Наполеона Бонапарта. Его движение «Вперёд!», созданное только в апреле 2016 г., преобразованное в дальнейшем в партию «Вперёд, Республика!», получило абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате парламента – Национальном собрании, обеспечив прочную поддержку назначенному президентом правительству Эдуарда Филиппа для проведения в жизнь его программы.

Радикально обновился возрастной, гендерный и професси-

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., г.н.с., руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН, профессор НИУ ВШЭ.

ональный состав депутатского корпуса, $\frac{3}{4}$ которого, как и сам президент, никогда прежде не избирались, а многие вообще не политические деятели, а выходцы из организаций гражданского общества и деловых кругов. С авансены политической жизни ушли сразу три поколения представителей высшего звена политического класса, начинавшие свою карьеру 30-40 лет назад – бывшие президенты, премьеры, министры, парламентарии, партийные функционеры.

Революция или Реставрация?

Британский еженедельник «The Economist», отражающий мнение международного бизнес-сообщества, не поколебался называть эти перемены «второй французской революцией»⁵⁶. Это же слово – «революция» – избрал и сам Э. Макрон для названия своей автобиографической и программной книги, которая вышла в свет за полгода до выборов в ноябре 2016 г.⁵⁷ Между тем, применимость этого термина к последним событиям во Франции далеко не очевидна.

Характерной особенностью богатой на революционные потрясения истории Франции всегда было правовое закрепление их итогов очередным вариантом основного закона, призванного придать легитимность новому режиму. Таких конституционных актов насчитывается более десятка. Действующая Конституция 1958 г. и созданный на её основе президентско-парламентский режим никто не собирается отменять – к созданию новой, Шестой республики, призывают только отдельные политические маргиналы⁵⁸. Основные положения этой Конституции – асимметричный баланс между ветвями власти с перевесом в пользу исполнительной и ключевая роль президента как арбитра между ними, своего рода республиканского «монарха», остаётся в силе.

Фигурирующая в программе Э. Макрона ревизия Конституции не ставит под вопрос эти принципиальные установки, но напротив, лишь ещё более усиливает их. Речь идёт о сокращении

⁵⁶ France's next revolution. The Economist, 4.03.2017.

⁵⁷ Emmanuel Macron – Révolution. XO Editions, Paris, 2016.

⁵⁸ Этот лозунг выдвигает, в частности, ультралевое движение «Непокорённая Франция» во главе с Жан-Люком Меланшоном.

на треть числа членов обеих палат парламента и объёма их законотворческой деятельности, ограничении сроков полномочий выборных лиц тремя, расширении прав консультативного Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС), представляющего структуры гражданского общества и т.д. Таким образом, власть президента усиливается, а роль парламента и выборных органов местного самоуправления – муниципальных, генеральных, региональных советов ещё более ограничивается.

Преемственность берёт верх над переменами и в социальном профиле элит, где всегда, но особенно с 1958 г., доминировали кадровые чиновники-технократы, которые формируются в привилегированных учебных заведениях – парижском Институте политических наук, Политехнической, Высшей нормальной, Центральной школах и особенно Национальной школе администрации (ЭНА). Они приобретают солидный опыт службы в ключевых звеньях госаппарата – Госсовете, Счётной палате, Генеральной инспекции финансов, корпусе префектов, переходят затем в частный сектор и завершают карьеру в политике⁵⁹. Именно такой жизненный путь прошли новый президент Э. Макрон, премьер-министр Э. Филипп, большинство его министров. «Это правительство экспертов, управленцев, менеджеров, чья компетентность не вызывает сомнений, но в их упряжке кто-то должен заниматься политикой – и это будет Макрон», – отмечает политолог Л. Жаффрен⁶⁰.

Таким образом, произошла не революция, т.е. слом прежнего государственного строя и смена типа общества, а, напротив, скорее, обратное – реставрация, возврат к принципам, изначально заложенным в основу режима, путём его частичного обновления. Речь идёт в первую очередь об усилении роли президента, укреплении несколько пошатнувшейся властной вертикали во главе с избранным всеобщим голосованием главой государства.

Эта задача вытекала из неутешительных итогов пребывания

⁵⁹ Charles Debbasch. L'administration au pouvoir. Fonctionnaires et politiques sous la Ve République, 1969. P. 175.

⁶⁰ Libération, 22.06.2017.

в Елисейском дворце двух предыдущих президентов – правого Н. Саркози (2007–2012 гг.) и левого Ф. Олланда (2010–2017 г.). Всё связанное с их именами десятилетие прошло под знаком «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса и его последствий, которые ограничивали до минимума свободу действий обоих. Результатами оказались девальвация образа главы государства в режиме Пятой республики, «сшитого по мерке» её основателя генерала де Голля – недаром Саркози потерпел неудачу в попытке добиться переизбрания, а Олланд не решился с учётом катастрофического падения рейтинга даже выдвинуть свою кандидатуру на второй срок.

На этом фоне императивными требованиями к следующему, восьмому по счёту президенту Пятой республики становились: наличие убедительной программы и лидера, способного объединить расколотое общество. Поиск такой программы затрудняли высокие издержки пересмотра модели социальной рыночной экономики, сложившейся во Франции после Второй мировой войны. Её особенности: высокая доля госсектора в инфраструктурных отраслях (энергетика, транспорт, связь, кредит), накоплении и перераспределении финансовых потоков (ныне 47%), административное регулирование трудовых отношений, наличие одной из самых продвинутых в мире, но весьма дорогостоящей системы соцзащиты – здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, семейной политики.

С середины 1970-х гг. развернулась коренная перестройка мировой экономики, толчком к которой стали резкие скачки цен на энергоносители и переход ведущих держав Запада к постиндустриальному обществу. Соответственно, французская модель подверглась суровым испытаниям. Жёсткая административно-бюрократическая регламентация хозяйственной деятельности, условий найма и увольнения, тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений от прибыли предприятий в кассы соцстраха ухудшали инвестиционный климат, вели к оттоку капиталов и предприятий за рубеж. Если во время «Великой рецессии» падение производства во Франции было вполне сравнимо со средним по ОЭСР, то после её окончания страна вступила в длительную полосу стагнации – среднегодовые темпы роста не превы-

шали 0,6-1,2%⁶¹. Между тем, с 1974 г. бюджетный дефицит не удавалось снизить до 3%-ной нормы Пакта стабильности и роста ЕС, что вело к неуклонному разбуханию госдолга, достигающего ныне 97,4% ВВП. После 2004 г. с постоянным пассивом сводится и торговый баланс страны, что сокращает её долю в мировой торговле.

Главной социальной, а тем самым и политической проблемой страны стала занятость: численность полностью безработных составляет 3,5 млн человек, а с учётом частично занятых 6,5 млн чел., т.е. 9-10% самодеятельного населения. Эти негативные симптомы воспринимаются во Франции как опасность утраты страной её ранга одной из держав с глобальными интересами и ответственностью, символом чего служит место одного из пяти постоянных членов СБ ООН и «ядерного клуба».

Перспектива такого оттеснения во «вторую лигу» вызывает у французов крайне болезненную реакцию. За последние 10-15 лет книжный рынок заполнили многочисленные сочинения разных жанров, авторы которых сокрушаются по поводу, якобы, неизбежного «упадка» Франции, утраты ею былого величия, исторической миссии, образца и защитницы общечеловеческих ценностей прогресса, демократии и прав человека⁶².

Подобное декадентское поветрие способствовало общему росту не только пессимизма, страха перед будущим, но и протестных настроений, сомнений в эффективности и справедливости существующих порядков. По оценке близкого к деловым кругам Института Монтеня, более половины французов (57%) считают, что демократический режим во Франции работает плохо, причём $\frac{3}{4}$ были склонны винить в этом своекорыстие и коррупцию выборных лиц, а 78% уверены в том, что страна вообще идёт в неверном направлении⁶³.

Ответной реакцией стали рост абсентеизма на выборах, голосование белым бюллетенем («против всех»), рост влияния на крайних флангах политического спектра популистских движе-

⁶¹ Economie française 2017. OFCE, Edition la Déconverte, 2016.

⁶² Baverez N. Reveillez – vous! Librairie Arthème Fayard, Paris, 2012; Zemmour E. Le Suicide français. Edition Albin Michel, Paris, 2014; Mamère N., Farbiaz P. Contre Zemmour. Réponse au Suicide français. Les petits matins, 2014.

⁶³ Le Monde. 08.11.2010.

ний – ультраправого Национального фронта и левацкой «Непокорённой Франции». Их харизматические лидеры – Жан-Мари Ле Пен, затем его дочь Марин, с одной стороны, и Жан-Люк Меланшон – с другой, апеллировали к протестному электорату: рабочим, служащим, части средних слоёв, молодёжи, вынужденным нести неизбежные издержки глобализации. В последнее десятилетие их удельный вес в электорате неуклонно увеличивался. На выборах разного уровня – муниципальных, департаментских, региональных, европейских, наконец парламентских и президентских – кандидаты НФ вышли на первое место, собирая до 27,5% голосов, а «Непокорённая Франция» – 11,5%. Между тем, мажоритарная избирательная система голосования в два тура ограничивала представительство обеих крайних партий в органах местного самоуправления и парламенте – в избранном в 2012 г. составе Национального собрания НФ был представлен всего двумя депутатами.

Однако распад электорального поля на 3 примерно равных сегмента по существу блокировал нормальное функционирование биполярного партийно-политического механизма. Как социалисты, так и республиканцы не могли более добиваться большинства за счёт голосов колеблющихся между ними центристских избирателей, как бывало прежде. Отныне необходимым условием победы становилось для одних привлечение сторонников НФ, а для других – «Непокорённой Франции». Притяжение крайних флангов переносило центробежные тенденции внутри обеих системообразующих партий, обостряя борьбу соперничающих течений и лидеров.

Новый лидер

Именно это объясняет сложные перипетии избирательных кампаний 2017 г. На первичных выборах кандидата на пост главы государства как у оппозиционных республиканцев (ноябрь 2016 г.), так и у правящей соцпартии (январь 2017 г.) верх одержали представители крайних течений: бывший премьер-министр Ф. Фийон и бывший министр образования Б. Амон. Однако обоим оказалось не под силу объединить вокруг себя соперничающие течения собственных партий. В результате произошёл крутой перелом – центробежная тенденция столкнулась с

центростремительной, главным носителем которой выступил Э. Макрон и его движение «Вперёд!».

Э. Макрон своевременно покинул правительство социалистов и дистанцировался от своего прежнего покровителя – уходящего президента Олланда, чей рейтинг упал до исторического минимума (14-15%). Макрон позиционировал себя и своё движение как центр притяжения всех «прогрессистов» – сторонников реформ и слева, и справа.

Разумеется, он был обречён уклоняться от каких-либо чётких обязательств – недаром в предвыборных речах кандидата постоянно присутствовало выражение «в то же самое время». Тем не менее, на фоне дискредитации и раскола обеих системных партий подобная эквилибристика приносила результат: в первом туре президентских выборов 23 апреля из 11 кандидатов на финише оказались четверо – Э. Макрон (24,1% или 8,8 млн голосов), М. Ле Пен (21,3%, 7,6 млн), Ф. Фийон (20%, 7,2 млн) и Ж.-Л. Меланшон (19,6%, 7,0 млн). Социалист Б. Амон остался далеко позади (6,8%, 2,9 млн).

Несмотря на минимальный разрыв между ними, выход во второй тур двух несистемных фаворитов сделал неизбежной коренную перестановку политических сил в стране: обе прежние системообразующие партии были впервые устранены от участия в борьбе за пост главы государства и, тем самым, теряли сам смысл своего существования. Это подтвердил весь дальнейший ход событий: во втором туре 14 мая Э. Макрон, которого поддерживали практически все бывшие лидеры республиканцев и социалистов, убедительно выиграл, получив 66,01% голосов избирателей, принявших участие в голосовании (20,7 млн), против 33,94% (10,6 млн) у М. Ле Пен.

Результаты президентских выборов месяц спустя предопределили итоги парламентских, на которых абсолютное большинство мест – 313 из 577 – получила партия «Вперёд, Республика!», к которой примыкают центристы и отколовшиеся от республиканцев и социалистов «конструктивные» депутаты. В новом составе Национального собрания её представители заняли основные руководящие посты.

В назначенном президентом правительстве во главе с быв-

шим мэром Гавра республиканцем Э. Филиппом тщательно сбалансирован гендерный состав, доля выходцев из обеих бывших системных партий и «новичков» из организаций гражданского общества. Правительство без труда получило вотум доверия: 370 голосов «за» (67 «против», 129 «воздержались»). Парламентская оппозиция, представленная республиканцами (112), остатками по существу распавшейся соцпартии (30), «Непокорённой Францией» (17), НФ (8) и т.д., лишена возможности реально влиять на правительственную политику.

Смена моделей

Очевидно, что главной стратегической задачей президента становится модернизация прежней социально-экономической модели, неспособной более дать ответ на вызовы времени. Проект таких реформ разработала ещё 10 лет назад по инициативе президента Н. Саркози комиссия экспертов во главе с Ж. Аттали, бывшим специальным советником Ф. Миттерана. Основные выводы её доклада, посвящённого устранению препятствий для экономического роста, сводились к ликвидации «ренты», т.е. статусных привилегий отдельных категорий экономических агентов, демонтажу бюрократической регламентации рыночных отношений, в том числе трудовых, обеспечению равновесия бюджета, торгового баланса и т.д.⁶⁴ Характерно, что одним из докладчиков комиссии был молодой инспектор финансов Э. Макрон, которого именно Ж. Аттали представил следующему президенту-социалисту Ф. Олланду, назначившему его протеже заместителем генсека Елисейского дворца, а затем министром экономики, промышленности и цифровых технологий. С тех пор тема «смены моделей» стала предметом широкой дискуссии среди французских экономистов, сравнивавших её достоинства и недостатки с германской⁶⁵.

Таким образом возник запрос на переформатирование политического поля – преодоление традиционного водораздела между левыми и правыми, создание мощной группировки в цент-

⁶⁴ Attali J. Urgences françaises. Edition actualisée. Pluriel, Paris, 2014.

⁶⁵ Aghion P., Cette G., Cohen E. Changer de modèle. Les nouvelles idées pour une nouvelle croissance. Odile Jacob, Paris, 2015; Blot Ch., Chagny O., Le Bayon S. Faut-il suivre le modèle allemand? La documentation Française, 2015.

ре, которая служила бы надёжной опорой главы государства. Именно с этих позиций выступает Э. Макрон, который претендует на мифологический образ Юпитера, верховного авторитета на Олимпе в пантеоне античных богов. Приглашая к сотрудничеству представителей обновлённых политических элит, молодой президент не прочь обращаться через их голову и к рядовым избирателям. Эта тенденция уходит корнями в одну из прочных традиций французской политической культуры – бона-партизм, наследником которого в XX в. стало такое важное явление, как голлизм. Однако возможности Э. Макрона брать пример с великих предшественников покажет время и конкретные результаты его начинаний внутри страны и на международной арене, которые ещё предстоит доказать делом.

Надежды и тревоги

К неформальным, но прочным традициям французской политической жизни относится оценка деятельности нового президента за символические «100 дней» после инаугурации. Его заявления, жесты, поступки в этот короткий период создают определённый образ, многие черты которого сохраняются в общественном мнении на весь 5-летний срок первого мандата главы государства, а порой отражаются на его шансах быть переизбранным.

Принято считать, что очередной хозяин Елисейского дворца переживает в это время т.н. «благословенный период» (*l'état de grâce*), когда инерция недавней победы на выборах обеспечивает ему определённый кредит доверия и расширяет свободу действий, пока деморализованная поражением оппозиция занята поисками причин своих неудач и критикой ответственных за них лидеров.

К тому же, президентские выборы, результаты которых, как правило, определяют исход следующих за ними парламентских, обычно проходят весной. В период летних отпусков общественная жизнь замирает до сентября – начала учебного года и открытия очередной сессии парламента (*la rentrée*). Это «межсезонье» предоставляет президенту благоприятную возможность сформировать новое парламентское большинство, правительство и подготовить обещанные реформы.

В 2017 г. все эти факторы были, казалось, налицо, хотя представитель Французского института общественного мнения (IFOP) Ж. Фурке констатирует, что восьмому по счёту президенту Пятой республики Э. Макрону не удалось воспользоваться ими в полной мере⁶⁶.

Сразу после вступления нового главы государства в должность, которое состоялось 14 марта 2017 г. и было отмечено торжественной церемонией во дворе Лувра, индекс доверия ему достигал весьма высокой отметки – 62%. Однако всего три месяца спустя удовлетворение его деятельностью выражали лишь 36% респондентов. Этот показатель заметно ниже, чем соответствующие периоды у двух его предшественников – Ф. Олланда и Н. Саркози (соответственно 46 и 57%)⁶⁷. Между тем, кампания перед выборами 2017 г. проходила под знаком глубокого разочарования избирателей итогами пребывания у власти обоих, исключившее возможность их избрания на второй срок. Настроения электората немало способствовали уверенной победе Э. Макрона, который выступал под лозунгом решительного разрыва с прошлым.

К середине августа 2017 г. треть французов считала взятый им темп реформ приемлемым, а 26% – даже недостаточным. Однако 41% опасались, что президент зашёл слишком далеко⁶⁸, 61% вообще не были уверены в правильности избранного курса⁶⁹. Если в мае 2017 г. оптимистов, убеждённых в скором подъёме французской экономики, было на 16% больше, чем пессимистов, то к сентябрю соотношение между ними изменилось на 26 п.п. в пользу вторых.

Соответственно, эволюционировал и образ президента, который становился более контрастным – позитивные коннотации постепенно уравнивались критическими. В середине августа 2017 г., по оценкам исследовательского центра «ELA-VE», $\frac{3}{4}$ французов считали нового главу государства «динамичным», 71% – «властным», (-11 п.п. по сравнению с маем), 60% – сохраняли уверенность в его стремлении к переменам (-8 п.п.).

⁶⁶ Le Figaro. 13.08.2017.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Данные опроса центра Odoxa, BFM-TV, 07.08.2017.

Вместе с тем более половины респондентов (53%) были им недовольны, 51% сомневались в его честности, готовности выполнить предвыборные обещания и объединить для этого людей разных взглядов, а другая половина воздержалась от оценок, предпочитая судить в будущем по результатам⁷⁰.

Эта осторожная, выжидательная позиция вполне устраивает самого главу государства, который не считает, что 100 дней представляют собой подходящий срок для оценок: «Когда приходят к власти, то важные дела не делают за сто дней. Иначе мы были бы единственной страной, которая два года ведёт кампанию по выборам президента для того, чтобы он правил три месяца», – заявлял Э. Макрон в своём первом развёрнутом интервью еженедельнику «Le Point»⁷¹.

Издержки обновления

В поисках причин повышенной волатильности общественного мнения Франции после выборов 2017 г. аналитики обращают внимание на то, что убедительная победа Э. Макрона и кандидатов от его партии была достигнута благодаря объединению различных политических сил, взгляды и интересы которых не всегда и во всём совпадают.

Самой прочной опорой президента был и остаётся «ядерный» электорат – 24% избирателей, отдавших ему свои голоса в первом туре президентских выборов (8,6 млн). С учётом воздержавшихся и опустивших недействительные бюллетени («против всех») это составляет 18,2% всего избирательного корпуса. Среди них преобладают представители делового мира, менеджеры, служащие, лица свободных профессий, интеллигенция, т.е. верхняя страта среднего класса крупных городов, особенно на западе и юго-западе страны, которая успешно вписалась в контекст научно-технической революции, европейской интеграции и глобализации мировой экономики.

Именно среди них находит наибольшее понимание и поддержку либерально-глобалистский дискурс Э. Макрона: с мая по сентябрь 2017 г. рейтинг поддержки избирателями президентской партии «Вперёд, Республика!» сохранился на уровне

⁷⁰ Le Point. 17.08.2017.

⁷¹ Le Point. 30.08.2017.

85%, а отсев ограничился 12%⁷².

Его облик, стиль, жизненный путь энергичного, амбициозного выходца из семьи провинциальных врачей, получившего образование в самых престижных, элитных учебных заведениях – парижском Институте политических наук, Национальной школе администрации (ЭНА), инспектора финансов, инвестиционного банкира, высокопоставленного чиновника, наконец, министра экономики служит в глазах «ядерного» электората символом принципа меритократии – «власти достойных».

Вместе с тем, победа Э. Макрона во втором туре президентских выборов, где оставались только два претендента, большинством в 66% была обеспечена на $\frac{2}{3}$ за счёт голосов избирателей, перешедших к нему от кандидатов прежних системных партий – левого социалиста Б. Амона и правоконсервативного республиканца Ф. Фийона. Значительная часть их голосовала не столько за будущего президента, сколько против его соперницы – лидера ультраправого Национального фронта М. Ле Пен, получившей вдвое меньше – 33,9% голосов.

На парламентских выборах в июне многие из этих примкнувших избирателей предпочли воздержаться, что объясняет рекордный уровень абсентеизма (57%)⁷³. Когда же переформатирование высших эшелонов власти осталось позади и начали проявляться контуры будущих реформ, а главное их цена, представители наиболее уязвимых социальных категорий в депрессивных отраслях и регионах начали проявлять растущее беспокойство, что и отразилось на рейтингах нового президента.

Это коснулось в первую очередь избирателей, которые в мае 2017 г. перешли к Э. Макрону от социалистов и республиканцев, а отчасти даже крайних флангов – «Непокорённой Франции» и Национального фронта. Большинство их изначально составляли левые – 45% избирателей Э. Макрона на предыдущих президентских выборах 2012 г. голосовали за социалиста Ф. Олланда, тогда как только 19% за республиканца Н. Саркози и 15% за центриста Ф. Байру⁷⁴.

⁷² Le Figaro. 13.09.2017.

⁷³ Le Monde. 20.06.2017.

⁷⁴ Le Figaro. 13.09.2017.

Между тем, наибольшая утечка из лагеря Э. Макрона произошла именно слева. Если в целом рейтинг поддержки деятельности главы государства снизился к сентябрю 2017 г. на 20-25%, то среди бывших избирателей социалиста Б. Амона он упал на 40%, а ультралевого Ж.Л. Меланшона – на 35%. В то же время правый электорат оказался к нему заметно более неисходительным: среди прежних избирателей Ф. Фийона отсев составил 16,2%, а Национального фронта – 8,9%⁷⁵.

Подобная тенденция следует общей направленности социально-экономической политики правительства, знаковыми решениями которого стали упразднение налога на крупные состояния (ISF), заменённого налогом на недвижимость, и введение плоской шкалы налога на прибыль при повышении общего социального сбора. Подобные меры, которые явно отвечают интересам зажиточных слоёв населения, вызвали острую реакцию в левом лагере, представители которого объявили Э. Макрона «президентом богатых». Неудивительно, что с мая по сентябрь 2017 г. популярность президента среди служащих снизилась на 26 п.п., среди рабочих на 24 п.п., тогда как среди высших управленческих кадров и интеллигенции только на 12 п.п.⁷⁶

Таким образом, постепенная эрозия электоральной базы Э. Макрона сопровождается изменением её структуры – сдвигом центра тяжести вправо. Следовательно, оказывается под вопросом основная стратегическая установка президента: преодолеть традиционный раскол партий на два лагеря, объединить всех «прогрессистов» слева и справа вокруг давно назревших реформ, которая принесла ему победу на выборах 2017 г.

Проверка на прочность

Первой заметной, знаковой реформой за первые «100 дней» пребывания Э. Макрона в Елисейском дворце, стал закон о т.н. «морализации» («доверии») в политической жизни. Он исключает допуск к выборам лиц с судимостью, запрещает выборным лицам наём на работу членов семьи, упраздняет «парламентский резерв» – безотчётный представительский фонд, из которого депутаты могли выделять субсидии в своих округах, ограничива-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Le Figaro. 18.10.2017.

ет совмещение выборных мандатов с консалтинговыми услугами и т.д.⁷⁷ Этот бесспорно популярный закон, принятый подавляющим большинством в обеих палатах парламента и подписанный президентом 15 сентября 2017 г., был реакцией на серию коррупционных скандалов в ходе последних предвыборных кампаний, которые глубоко дискредитировали политический класс в глазах общества.

Однако четыре министра нового правительства Э. Филиппа, в том числе сам его автор – экс-министр юстиции Ф. Байру и лидер фракции президентской партии в Национальном собрании Р. Ферран – стали фигурантами расследований в связи с аналогичными обвинениями, что явно снизило позитивный эффект от закона для образа главы государства. К тому же, идею Э. Макрона юридически закрепить статус «первой леди» – супруги президента по американскому образцу расценили как противоречащую «морализации». Протест против неё собрал 330 тыс. подписей, что заставило отложить такую меру на будущее.

Среди других событий, которые имели негативные последствия для имиджа Э. Макрона летом 2017 г., фигурировали конфликт главы государства с начальником генштаба вооружённых сил генералом П. де Вилье, закончившийся отставкой последнего, сокращение пособий на квартплату для малоимущих и пересмотр налогового законодательства.

Каждый из этих эпизодов имел свою специфику, хотя в основе всех них была одна и та же причина – категорическая установка президента ограничить бюджетный дефицит в 2017 г. 3%, а затем его снизить до 2,6%⁷⁸. Коль скоро при этом налоги, прежде всего на крупные состояния (ISF) и прибыли предприятий были снижены, то в проигрыше оказались госслужащие, пенсионеры, студенты, органы местного самоуправления.

Решимость Э. Макрона пойти на риск непопулярных, чреватых рейтинговыми издержками мер диктовалась логикой его программы, изложенной перед выборами в книге «Революция», а после них в речи перед обеими палатами парламента (Конгресса) в Версале и интервью еженедельнику «Le Point» 30 ав-

⁷⁷ Le Monde. 21.07.2017.

⁷⁸ Emmanuel Macron. Révolution. Xoéditions, Paris, 2016; «Le Point». 30.08.2017.

густа 2017 г. Суть её сводится к демонтажу социально-экономической модели, сложившейся во Франции в первые послевоенные десятилетия и неспособной, по убеждению президента, дать ответ на вызовы глобализации, европейской интеграции, научно-технической революции.

Речь идёт об отказе от жёсткого административно-правового регулирования рыночных, прежде всего трудовых отношений, снижении налогов и обязательных отчислений от прибылей в фонды соцстраха (47% ВВП) с тем, чтобы стимулировать предпринимательскую инициативу, снизить отток капиталов за рубеж, увеличить инвестиции и решить самую острую социальную проблему безработицы (9,5% самодостаточного населения – вдвое больше, чем в Германии или Великобритании).

Эта неолиберальная программа, одобренная Всемирным банком ОЭСР, призвана стать французским эквивалентом т.н. «третьего пути» Т. Блэра в Великобритании или реформ Г. Шрёдера в Германии, проведённых ещё 15-20 лет назад. Именно так определяет её смысл Л. Бигорнь⁷⁹, президент влиятельного, близкого к деловым кругам Института Монтеня. Решению данной стратегической задачи подчинены и все дальнейшие радикальные реформы – пересмотр Кодекса законов о труде, перестройка системы пенсионного обеспечения, образования, страхования по безработице и т.д.

Шансы на успех и препятствия на пути столь внушительной программы французские и иностранные аналитики оценивают по-разному. Большинство сходится на том, что в среднесрочной перспективе Э. Макрон располагает достаточным запасом прочности и свободой действий, позволяющей минимизировать последствия эрозии его рейтингов. Несмотря на высокий уровень абсентеизма на последних выборах, легитимность президента не подвергают сомнению⁸⁰. Президентская партия «Вперёд, Республика!», с которой блокируется центристская «Современная демократия» («МОДЕМ»), а также проправительственная груп-

⁷⁹ Le Monde. 14.09.2017.

⁸⁰ Почти все предыдущие президенты Пятой республики, включая её основателя генерала де Голля (кроме Ж. Ширака в 2002 г.) также избирались относительным меньшинством избирателей.

па «Конструктивисты», располагают абсолютным большинством в Национальном собрании, депутаты которого избраны впервые и полностью обязаны этим президенту.

В то же время оппозиция справа – Национальный фронт во главе с М. Ле Пен и «Республиканцы» глубоко расколоты и ещё долго будут заняты реорганизацией партийных структур, поисками пропагандистской платформы и лидеров. Выборы нового председателя «Республиканцев» состоятся только в декабре 2017 г., и ему предстоит длительный период самоутверждения. Из НФ демонстративно вышли два самых видных политика – Марион Марешаль Ле Пен и первый вице-президент Ф. Филиппо, что серьёзно подорвало позиции лидера после поражения на выборах.

Поскольку соцпартия по существу распалась, то на левом фланге главным полюсом притяжения протестных настроений оказалась «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшона, популистская демагогия которого исключает какую-либо перспективу прихода к власти. Это тем более касается сугубо маргинальных коммунистов и экологов.

Коль скоро следующие общенациональные выборы – в Европарламент предстоят только в 2019 г., а муниципальные – в 2020 г., то президент и правительство обладают временем, чтобы провести намеченные реформы в жизнь форсированными темпами.

Первым шагом стала коренная ревизия Кодекса законов о труде, которая существенно ограничила права профсоюзов в гарантий занятости и отношений с предпринимателями. После упорного торга с представителями социальных партнёров летом 2017 г. министру труда М. Пенико удалось расколоть профсоюзную оппозицию, склонив к сотрудничеству реформистские профцентры – Французскую демократическую конфедерацию труда (ФЭКТ) и «Форс увриер». Отсюда, протестный «день действий» 12 сентября 2017 г., проведённый Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), в прошлом близкой к компартии, получил сравнительно ограниченный размах: в забастовках и демонстрациях по всей стране приняли участие от 200 до 400 тыс. человек, что на порядок меньше, чем бывало ранее. Демонстрации

не помешали принять новую версию трудового законодательства пятью президентскими указами (ордонансами) без детальной дискуссии в парламенте.

Тем не менее, противники нового законодательства о труде отнюдь не сложили оружие. ВКТ и «Непокорённая Франция» призвали к новым акциям протеста. С аналогичными призывами выступают все новые категории недовольных – водители грузовиков, госслужащие, учителя и даже полицейские. Президент заявляет, что не намерен отступать под давлением улицы, однако дальнейший ход событий зависит от фактора времени. Издержки упразднения «завоёванных прав» – статусных льгот и гарантий, которыми традиционно пользуются многие социально-профессиональные категории, – им приходится нести уже сегодня. Между тем, обещанные властью выгоды от модернизации прежней модели французской экономики власти обещают только «завтра», а то и позже. К тому же, справедливость распределения связанных с реформами тягот вызывает в обществе растущие сомнения, что и объясняет падение рейтингов президента за первые «100 дней» его правления.

Дело не ограничивается одними рейтингами и уличными демонстрациями или забастовками: режим жёсткой экономии болезненно затронул бюджеты «территориальных коллективов» – муниципальных, департаментских, региональных советов. Отметим, что именно их члены – провинциальные «нотабли» – избирают верхнюю палату парламента – Сенат. В ходе обновления 24 сентября 2017 г. половины его состава (171 сенатора из 348) президентская партия потерпела первую серьёзную неудачу – большинство осталось за традиционными системными партиями, прежде всего «Республиканцами».

В Пятой Республике верхняя палата играет подчинённую роль, хотя её оппозиция заметно ограничивает свободу действий президента, прежде всего при пересмотре без референдума действующей Конституции, для которого требуется конституционное большинство в $\frac{3}{5}$ членов обеих палат.

Немалую роль в судьбах макроновского эксперимента могут сыграть и субъективные факторы. На всех этапах своей успешной карьеры чиновника-технократа, затем инвестиционного бан-

кира Э. Макрон твёрдо усвоил присущую административной и деловой элите Франции вертикальную схему отношений верхов и низов, склонность к императивному стилю принятия решений: отсюда претензии на роль «Юпитера» – повелителя богов на древнегреческом Олимпе. Об этом сам президент прямо заявил в интервью германскому журналу «Шпигель», связав вертикальность отношений между верхами и низами с католической традицией Франции, отличающей её от протестантских англосаксонских и североευропейских стран⁸¹. В то же время, культура представителей традиционной французской политической элиты, прежде всего, выборных лиц («нотаблей») в органах местного самоуправления – муниципальных, департаментских, региональных советах – построена на горизонтальном принципе постоянных поисков взаимных уступок и компромиссов.

Те же «бонапартистские» черты присущи и новоиспечённым депутатам от партии «Вперёд, Республика!», большинство которых вышли из деловых кругов и организаций гражданского общества. Не имея какой-либо серьёзной подготовки к обязанностям парламентариев, они допустили во время чрезвычайной сессии Национального собрания летом 2017 г. массу грубых технических и психологических ошибок, расцененных как признаки авторитарности и дилетантства. Подобных упреков не удалось избежать и самому президенту, назвавшему противников реформы трудовых отношений «бездельниками, циниками и экстремистами», что получило весьма негативный резонанс в СМИ.

Внешнеполитические ориентиры

В своей книге «Революция», вышедшей в ноябре 2016 г., Э. Макрон доказывал, что Франции необходимо разорвать с её прежней социально-экономической моделью не только и не столько по внутренним причинам, сколько принимая во внимание факторы международного порядка. «Мы вступили в новую эру. Глобализация, цифровая экономика, растущее неравенство, угроза климату, геополитические конфликты и терроризм, эрозия Европы, кризис демократии в западных обществах, сомнения в самом сердце нашего общества – всё это симптомы того,

⁸¹ Der Spiegel, № 42, October 14, 2017.

что мир вступил в период потрясений», – констатировал будущий президент»⁸². Перед лицом этих грозных вызовов активное участие Франции в решении важнейших международных проблем диктуется, по убеждению Э. Макрона, не только заботой о престиже, но и интересами национальной безопасности, залогом сохранения исторической роли страны как одной из вершин мировой цивилизации.

Со времени основания Пятой республики внешняя политика, оборона и безопасность считаются т.н. «заповедной областью» главы государства (*le domaine réservé*), где он решает вопросы сам или напрямую с соответствующими министрами. Для Э. Макрона осуществление этих «королевских прерогатив» (*«les fonctions régaliennes»*) с учётом ограниченности его опыта в международных делах было особенно важно, что объясняет крайнюю плотность графика его международных контактов в первые «100 дней» (как, впрочем, и после них). Своё видение приоритетов внешней политики он изложил в речи на традиционном совещании французских послов в Париже 28 августа 2017 г. Концептуальной основой стратегии Франции президент считает сочетание верности основанным на общих ценностях и интересах союзам с поиском выхода из кризисных ситуаций с учётом реального соотношения сил их участников, где Франция могла бы играть ключевую роль посредника⁸³. Подобный подход именовался «голло-миттерановским»: у основателя Пятой республики он заимствовал твёрдую защиту национальных интересов и гибкость манёвра, а у его соперника-социалиста приоритет евростроительства на базе франко-германского тандема.

Календарь встреч на высшем уровне в самом различном формате сложился для нового президента весьма благоприятно. Летом 2017 г. он успел принять участие в сессиях «Большой семёрки» в Таормине (Сицилия), Советов ЕС и НАТО в Брюсселе, «Большой двадцатки» в Гамбурге и т.д. Пристальное внимание французской и мировой общественности привлекли официальные визиты президента РФ В. Путина в Версаль в связи с 300-летием установления дипломатических отношений между

⁸² Emmanuel Macron – Révolution. Xoédition, Paris, 2016. P. 8.

⁸³ Le Monde. 30.08.2017.

двумя странами и президента США – Д. Трампа, присутствовавшего на национальном празднике 14 июля.

Особое внимание Э. Макрон уделил проблемам борьбы с международным исламистским терроризмом в Африке, на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак) и в самой Франции: он посетил развёрнутый в Мали французский военный контингент, добился объединения усилий 5 государств Сахары в противостоянии исламистскому джихадизму. Первостепенное значение уделяется и активному участию Франции в решении глобальных проблем – изменения климата, миграций, терроризма и т.д., в частности, судьбе Парижского соглашения по климату 2015 г., соблюдение которого стало центральной темой речи Э. Макрона на очередной сессии ГА ООН. Бурная деятельность молодого президента Пятой республики на международной арене не остаётся безрезультатной: подходы Парижа ко многим кризисным ситуациям (Сирия, Ирак, Ливия, израильско-палестинский конфликт, контроль над потоками беженцев и мигрантов через Средиземное море и т.д.) заметно эволюционировали в сторону поисков компромиссных решений.

Тем не менее, успех внешнеполитической стратегии Э. Макрона будет измеряться прежде всего судьбой его попыток преодолеть кризис Евросоюза. Амбициозная программа, выдвинутая Э. Макроном 7 сентября в Афинах и 26 сентября 2017 г. в Сорбонне, подразумевает институциональное укрепление ядра ЕС – еврозоны, увеличение её общего бюджета, финансирование инвестиций в отрасли будущего, назначение общего министра финансов, выборы парламента и т.д. На данной основе предложено выровнять налоговую, социальную, кредитно-финансовую политику, активно сотрудничать в сфере безопасности – по вопросам миграционного законодательства, борьбы с международным терроризмом, укрепления военно-промышленного комплекса вплоть до создания единых сил быстрого реагирования как костяка связанной с НАТО, но автономной «европейской обороны». Его далекоидущие предложения, по сути, реанимируют старые проекты «Европы разных скоростей», в которых экономическое превосходство Германии уравнивалось бы военно-политическим лидерством Франции. Ведь она остаётся

после Брекзита единственным в ЕС постоянным членом СБ ООН и «ядерного клуба», активно участвующим в решении внеевропейских проблем (Средиземноморье, Африка, Ближний Восток).

Однако реализация масштабного замысла остаётся под вопросом. Она зависит прежде всего от готовности Германии на протяжении следующего, четвёртого срока канцлерства А. Меркель искать и находить взаимоприемлемые решения с французским партнёром. Между тем общность ценностей, взглядов, интересов, явная симпатия канцлера к Э. Макрону не мешают германской стороне ставить поддержку его взглядов перестроить ЕС в зависимость от модернизации французской экономики. Позиция Германии стала особенно очевидной после выборов 24 сентября 2017 г. в бундестаг, результатом которых стал распад коалиции ХДС–ХСС и социал-демократов.

Новые факторы, безусловно, учитывает президент, который должен адаптировать конкретные формы намеченных им преобразований к эволюции баланса политических сил внутри страны и на международной арене.

**В 2016–2017 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

332. Инновационное развитие в ЕС: некоторые аспекты. Под ред. Н.М.Антюшиной. ДИЕ РАН, № 332, М., 2016 г.
333. Е.Г.Энтина. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. ДИЕ РАН, № 333, М., 2016 г.
334. Е.В.Ананьева, П.С.Каневский. Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и США меняют парадигму? ДИЕ РАН, № 334, М., 2016 г.
335. Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). Под ред. В.Я.Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 335, М., 2016 г.
336. В.С.Циренщиков. Евросоюз: прогностическая поддержка инноваций. ДИЕ РАН, № 336, М., 2017 г.
337. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Часть I. Под ред. Б.П.Гуселетова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 337, М., 2017 г.
338. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Часть II. Под ред. Б.П.Гуселетова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 338, М., 2017 г.
339. Испания в меняющемся мире. К 40-летию дипломатических отношений между Россией и Испанией. Под ред. В.Л.Верникова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН, № 339, М., 2017 г.
340. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть I. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 340, М., 2017 г.
341. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II. Под ред. Е.А.Масловой, О.Ю.Потемкиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 341, М., 2017 г.
342. Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. Под ред. Л.Н.Шишелиной (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 342, М., 2017 г.
343. Германия. 2016. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 343, М., 2017 г.
344. Правительство Т. Мэй – год у власти. Итоги досрочных выборов 2017 г. Под ред. Е.В.Ананьевой (отв. ред.), Е.В.Дрожжиной. ДИЕ РАН № 344, М., 2017 г.
345. Экономические аспекты Брекзита. Под ред. А.И.Бажана (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 345, М., 2017 г.
346. Н.Б.Кондратьева. Европейский союз: становление единого рынка. Монография. ДИЕ РАН № 346, М., 2017 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2016–2017

332. Innovative Development in the EU: Some Aspects. Ed. by N.M. Antyushina. Reports of the IE RAS, № 332, M., 2016.
333. E.G.Entina. European Integration of the Western Balkans: international background. Reports of the IE RAS, № 333, M., 2016.
334. E.V.Ananieva, P.S.Kanevsky. Brexit-1 and Brexit-2: The UK and the US Changing the Paradigm? Reports of the IE RAS, № 334, M., 2016.
335. Electoral Processes in the European Union (The Middle of the XXI Century Second Decade). Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 335, M., 2016.
336. V.S.Tsirenschikov. European Union: Prognostic Support of Innovations. Reports of the IE RAS, № 336, M., 2017.
337. Transformation of the party and political landscape in european union countries in the period of crisis. Part I. Ed. by B.P.Guseletov and others. Reports of the IE RAS, № 337, M., 2017.
338. Transformation of the party and political landscape in european union countries in the period of crisis. Part II. Ed. by B.P.Guseletov and others. Reports of the IE RAS, № 338, M., 2017.
339. Spain in a changing world (for the 40th anniversary of diplomatic relations between Russia and Spain). Ed. by V.L.Vernikov and others. Reports of the IE RAS, № 339, M., 2017.
340. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. I. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 340, M., 2017.
341. Contemporary Europe: 60th anniversary of the Treaties of Rome. P. II. Ed. by E.A.Maslova, O.Yu.Potemkina and others. Reports of the IE RAS, № 341, M., 2017.
342. The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence. Ed. by L.N.Shishelina and others. Reports of the IE RAS, № 342, M., 2017.
343. Germany. 2016. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
344. May's Government – a Year in Power. Snap General Elections-2017 Results. Ed. by E.V.Ananieva, E.V.Drozhzhina. Reports of the IE RAS, № 343, M., 2017.
345. Brexit economic aspects. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 345, M., 2017.
346. N.B.Kondratyeva. The European Union: shaping the single market. Monography. Reports of the IE RAS, № 346, M., 2017.

Научное издание

ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ 2017 г.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доклады Института Европы
№ 347

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5,5
Тираж 200 экз. Заказ № 1166

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86